

СПЕЦВЫПУСК

ФЕВРАЛЬ/2018
УКРАИНА

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

№2 (143)

СЕКРЕТЫ
СПЕЦСЛУЖБ

ОХОТА

НА РАУЛЯ

В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ СПЕЦСЛУЖБ

2

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

6

ЛЕГЕНДА ВЕКА

16

СУПЕРШПИОН

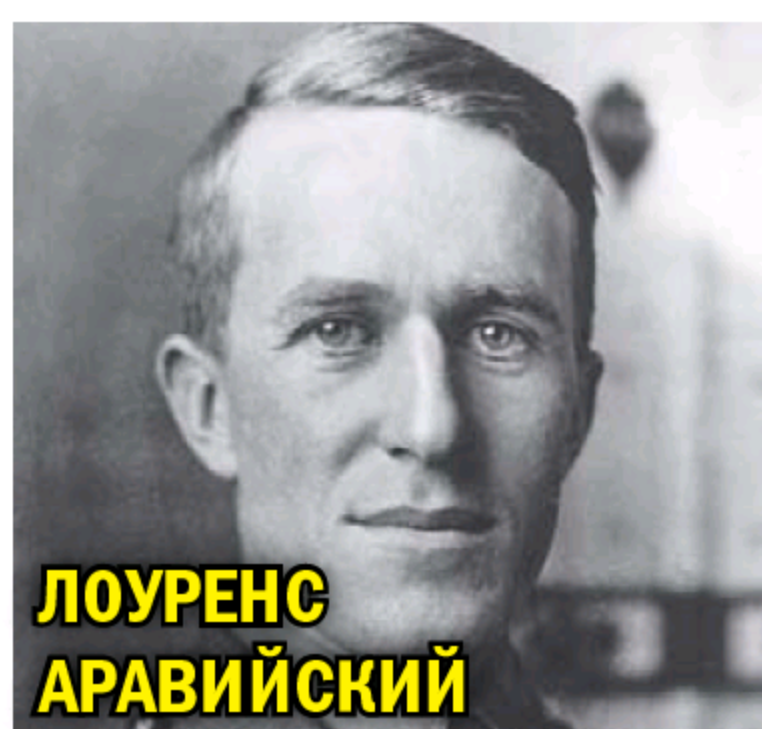
18

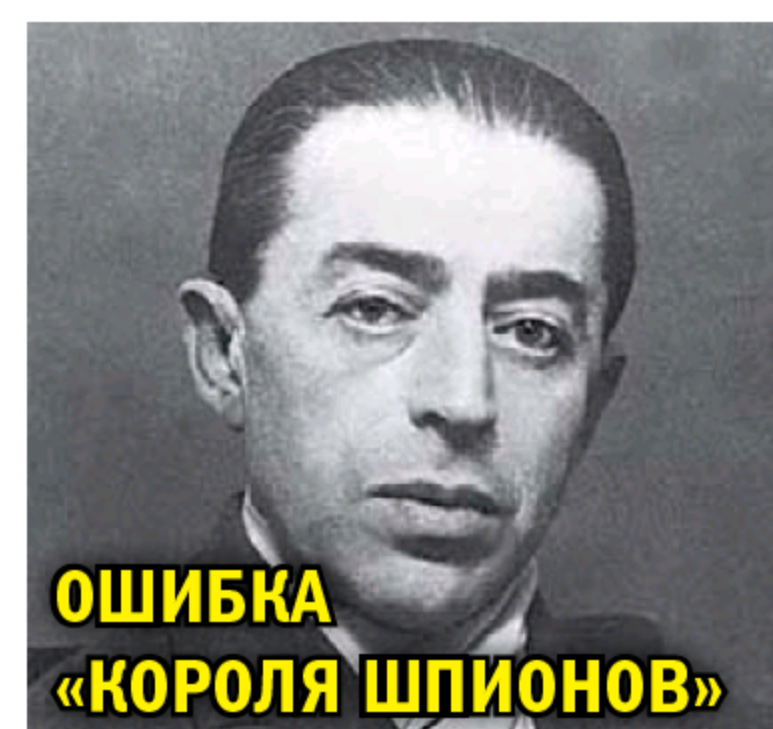
ДЛИННЫЕ
РУКИ ПЕКИНА

ЛЕГЕНДА
СПЕЦНАЗА

ЛОУРЕНС
АРАВИЙСКИЙ

ОШИБКА
«КОРОЛЯ ШПИОНОВ»

ISSN 2070-884X

1 8 0 0 2
9 1720701884002

Длинные руки Пекина

Западная Европа в сетях китайского шпионажа

Аркадий АРСЕНЬЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

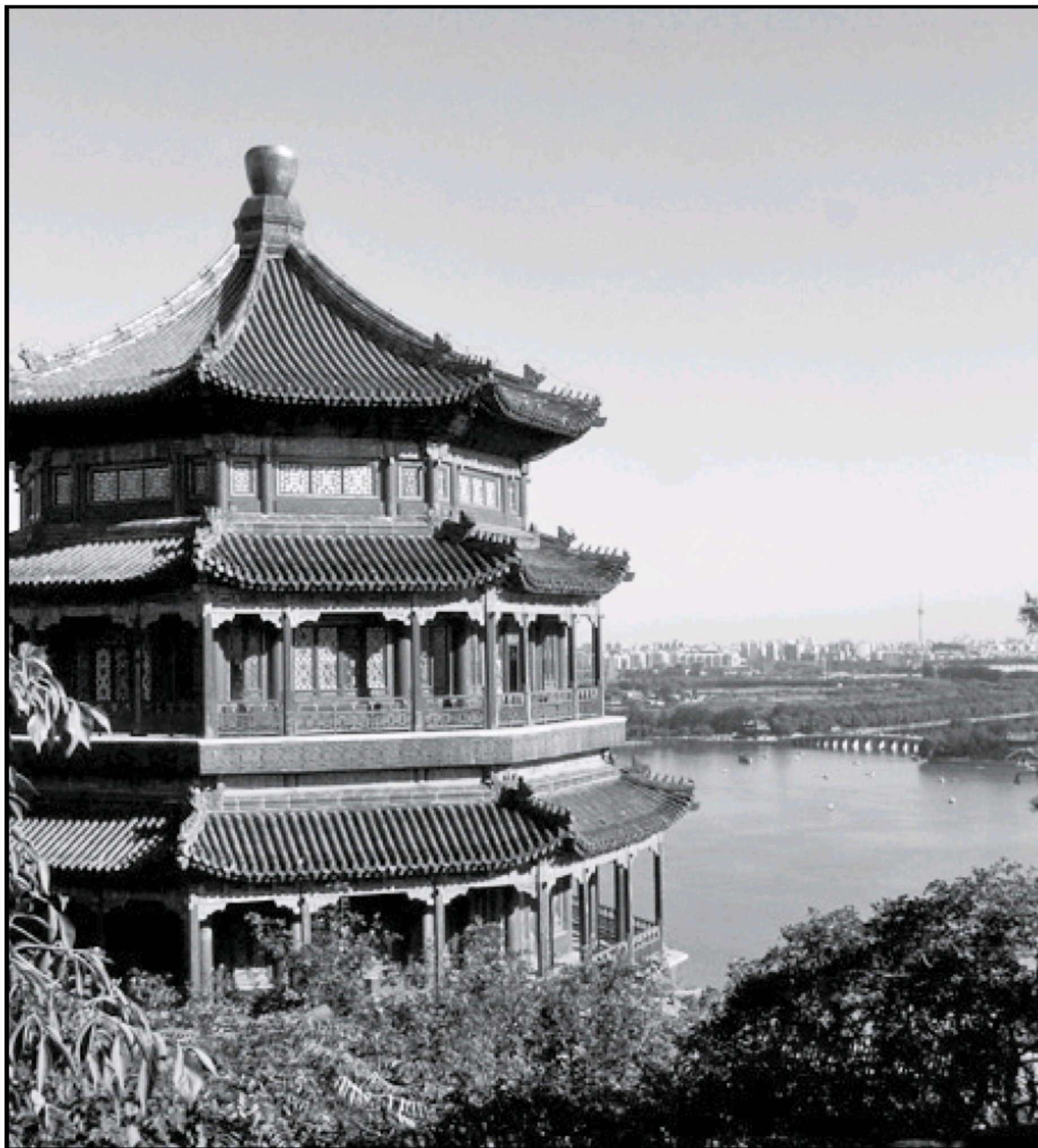
Вид посетителя, явившегося в полицейское управление Гааги среди бела дня в ночной пижаме и накинутом на плечи плаще, не слишком удивил дежурного офицера. С какими только чужаками не доводилось иметь дело! Однако он буквально оторопел, когда посетитель предъявил дипломатический паспорт на имя Ляо Шу-хэ, советника посольства Китая в Нидерландах, и заявил, что намерен просить политического убежища у правительства Нидерландов.

Также оторопели и там, куда, наконец, полицейский сообразил доложить. Советник Ляо Шу-хэ был известен спецслужбам как резидент внешнеполитической разведки Китая. В Европе еще не было случая, чтобы политического убежища просил китайский разведчик. А тут сразу — резидент. Через несколько минут к зданию полицейского управления примчалась автомашина — и некие люди в штатском увезли Ляо.

Пекин отреагировал незамедлительно: в ноте протеста утверждалось, что китайская сторона располагает неопровержимыми доказательствами того, что эта антикитайская акция тщательно подготовлена правительством Нидерландов, а посему вся ответственность за случившееся и за те негативные последствия, которые эта акция будет иметь для двусторонних китайско-голландских отношений, ложится на Гаагу.

В ответ на требование китайцев возвратить Ляо голландские власти сообщили, что по просьбе перебежчика ему предоставлено временное укрытие. Позже представитель Государственного департамента США Роберт Макклоски официально заявил: «Мы поместили Ляо в укромное место, где в порядке предосторожности он находится под охраной. Он обратился с просьбой о предоставлении ему политического убежища в США».

В прессе началась отработка самых невероятных версий, призванных объяснить причины бегства высокопоставленного китайского разведчика на Запад. Согласно одной из них, Ляо, блестящий профессионал, сумел создать разветвленную агентурную сеть, которая обеспечивала поступление ценнейшей разведывательной информации, касавшейся не только Голландии, но и других стран, НАТО и различных международных организаций. При нем Гаага стала центром китайского шпионажа в Западной Европе. Однако в Пекине вся информация Ляо якобы игнорировалась. Ущемленное самолюбие и побудило его бежать на Запад. По другой версии, Ляо

ПЕКИН. ЛЕТНИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОРЕЦ

в течение многих лет работал на американцев. А когда почувствовал, что над ним стучатся тучи, ушел к настоящим хозяевам.

21 декабря 1965 года в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли поступила срочная шифрограмма из Варшавы. В ней сообщалось, что сотруднику одной из лабораторий города Гданьска профессору Лешеку Мануильскому удалось получить новый нервно-паралитический газ сверхмощного действия. Документы с формулой газа и описанием технологии его получения, а также крошечная капсула с полученной дозой хранятся в лаборатории, в личном сейфе профессора. Резидент ЦРУ в Варшаве просил указаний. И они тотчас последовали: заполучить всю документацию и капсулу с газом как можно скорее, поскольку секрет открытия может быть передан русским или китайцам.

Китайцев упомянули не случайно. Дважды годами раньше власти Чехословакии без объяснения причин объявили персоной нон грата и выслали из Праги

сотрудника корпункта агентства Синьхуа. Этот беспрецедентный случай в отношениях между социалистическими странами привлек внимание ЦРУ. Без особого труда американцы через свою агентуру в Праге выяснили, что китайский корреспондент частенько отлучался в Гданьск и там в одной из научно-исследовательских лабораторий совершил какой-то неприличный поступок. За что и поплатился. Пекин отнесся к его высылке с пониманием: не выразил протеста, не предпринял ответных мер.

Тогда в ЦРУ посмеялись над незадачливым сотрудником Синьхуа. Сейчас же его частые поездки в Гданьск и интерес к «одной из лабораторий» предстали в другом свете. А вскоре наихудшие опасения цэрэушников подтвердились. Документация и капсула с образцом газа загадочно исчезли из сейфа профессора. Исчез и он сам. При невыясненных обстоятельствах.

Тогда и было решено самым пристальным образом присмотреться к деятельно-

сти китайской разведки в Западной Европе. С этой целью в марте 1966 года в Голландию отправился специальный агент ЦРУ. В Гааге он вступил в контакт с неким Вилли, немцем по национальности, долгие годы сотрудничавшим с американской разведкой. Однако этой парочке не суждено было выполнить возлагавшуюся на них задачу — уже через пару недель специальный агент сообщил в Лэнгли, что он «под колпаком» у китайцев.

Бравого спецаргента, а заодно и Вилли срочно отозвали, переключившись на поиски агента-китайца. Тут американцам несказанно повезло: они сумели обзавестись агентом-двойником. Этот китаец признался, что работает на свою разведку, однако готов поработать и на американскую — разумеется, за довольно приличное вознаграждение.

5 июля 1966 года офицер польской службы безопасности, действуя в строгом соответствии с полученным приказом, вылетел рейсовым самолетом из Варшавы в Прагу, имея при себе небольшой сверток. Из Праги он в тот же день выехал поездом в Вену. На стоянке в Цюрихе проследовал в ресторан, где передал сверток мужчине восточного типа. Из Вены польский офицер вернулся самолетом в Варшаву и доложил о выполнении задания.

Тем временем мужчина восточного типа (а это был агент-двойник) прибыл в Брюссель, в кафедральном соборе Святого Михеля встретился с неким бельгийцем и подробно проинструктировал того, когда следует выехать поездом в Гаагу, в какое время, в каком месте и кому необходимо передать сверток.

За всеми перемещениями загадочного свертка уже зорко следили американцы.

На ежегодную конференцию Международного института по сварке, открывшуюся в пригороде Гааги 10 июля 1966 года, Пекин направил довольно представительную делегацию — 8 специалистов высокого класса. Возглавил ее 42-летний Сюй Синь, которого прочие делегаты уважительно называли «товарищ инженер». Делегация поселилась на авеню Принца Маурицланне в доме №17, где постоянно проживал третий секретарь китайского посольства.

«Товарища инженера», помимо обсуждавшихся на конференции проблем сварочного характера, очень интересовал небольшой сверток, который он должен был получить от «бельгийского друга» в назначенный день и час в условленном месте — неподалеку от дома, где размещалась делегация. Знал об этом и советник посольства Ляо Шу-хэ. Но он не мог знать, что «товарищ инженер» и агент-двойник — давние знакомые, уже успели повидаться, и «инженер» дал согласие не отвозить сверток в Пекин, а передать его американцам за один миллион долларов и гарантию предо-

ставления политического убежища. Долго уговаривать Сюй Синя не пришлось: набравшая силу китайская «культурная революция председателя Мао» не сулила «инженеру» ничего хорошего. Да и уход его к американцам уже значился в планах ЦРУ как завершающий аккорд в «операции с небольшим свертком». Это должно было отвести всякие подозрения от агента-двойника, на дальнейшие услуги которого американцы рассчитывали.

Получив от «бельгийского друга» заветный сверток, Сюй вскрыл его. И сразу сообразил, что сама по себе капсула с газом — ничто без микропленок с формулой газа и технологий его получения. Поэтому на следующий день, вручив прилетевшему из США цэрэушнику только капсулу с газом, он заявил, что остальное передаст позже. Цэрэушник пытался протестовать, ссылаясь на предварительную договоренность. Но «товарищ инженер» твердо стоял на своем. Почему он так поступил? Не исключено, чтобы потребовать за микропленки дополнительное вознаграждение. Однако логичнее предположить, что им руководил страх оказаться брошенным американцами и он попросту подстраховался, не подозревая, чем это обернется для него в ближайшие дни.

Контакт Сюя с американцем состоялся в том же месте, что и с бельгийцем, то есть недалеко от дома, где обосновалась делегация. Возможно, кто-то из ее членов случайно зафиксировал свидание «товарища инженера» с цэрэушником и доложил в посольство. Может быть, в Пекине узнали о том, что затеяло ЦРУ с помощью агента-двойника. Как бы там ни было, но сразу же после встречи Сюя с американцем события стали развиваться самым драматичным образом.

Ляо Шу-хэ получил из Пекина секретный приказ об аресте агента-двойника. Первым же рейсом в Гаагу прибыла бригада сотрудников китайской контрразведки. Всем членам «сварочной» делегации было предписано не выходить из дома №17 по авеню Принца Маурицланне. «Товарищу инженеру», занимавшему на втором этаже отдельную комнату, предложили подготовиться к допросу в посольстве и обыску в комнате. Оставленные для перестраховки

микропленки становились для Сюя смертельно опасной уликой. Необходимо было срочно предпринять адекватные обстановке неординарные меры.

На противоположной стороне улицы, практически напротив дома №17, постоянно дежурил агент ЦРУ, наблюдавший за домом. В случае необходимости он должен был оказать помощь Сюю.

Этим, пожалуй, единственным шансом и решил воспользоваться Сюй. Он выскользнул через парадную дверь на улицу и бросился к своему спасителю: «Уведите меня в свое посольство. Я прошу политического убежища». Цэрэушник, видимо, не сумев правильно оценить чрезвычайную ситуацию, стал требовать от Сюя микропленки. В этот момент двери дома №17 распахнулись, и группа китайцев направилась в их сторону. Перепуганный Сюй бросился бежать, а незадачливый цэрэушник скрылся в ближайшем подъезде и оттуда продолжал наблюдение.

Не прошло и десяти минут, как «товарищ инженер» был водворен в свою комнату на второй этаж. Его предупредили, что через час-другой его доставят в посольство для допроса, отобрали ключ и закрыли дверь на замок. Тогда Сюй решился на отчаянный шаг: выпрыгнул из окна и превозмогая боль, бросился бежать с криком о помощи. Наблюдавший за всем этим цэрэушник видел, как отворились ворота дома №17 и выехавшая оттуда легковая машина догнала и сбита Сюя. Затем два китайца волоком втащили его в дом. Только тогда американец решил действовать.

На место происшествия срочно прибыла бригада полицейских. Оперативно опросив жильцов близлежащих домов, полицейские заявили третьему секретарю китайского посольства, что должны произвести досмотр внутренних помещений, поскольку было совершено покушение на жизнь человека и пострадавший, а возможно, и преступник находятся в доме. После долгих препирательств китайцы разрешили одному полицейскому и водителю автомашины «скорой помощи» войти. На носилках Сюя перенесли в «скорую» и в сопровождении двух китайцев и полицейского доставили в ближайший госпиталь Красного Креста. Врачи установили, что у

пострадавшего проломлен череп, сломаны ребра, поврежден позвоночник. Сопровождавшие Сюя китайцы утверждали, что травмы получены в результате неосторожного падения из окна.

После предварительного осмотра пострадавшего перевели в специальный рентгеновский кабинет, чтобы провести более детальное обследование. В это время в госпиталь приехал Ляо Шу-хэ, крайне обеспокоенный судьбой «товарища инженера». Пока врачи добросовестно отвечали на все вопросы, пострадавший был похищен из рентгеновского кабинета и, как выяснилось позже, увезен в недостижимое для полиции служебное помещение временного поверенного в делах Китая, а им на тот момент был Ляо Шу-хэ. На следующий день его вызвали в министерство иностранных дел Голландии и потребовали вернуть Сюя в госпиталь, поскольку его похищение является грубым нарушением голландских законов. Китайцы требование проигнорировали. Когда Ляо Шу-хэ вновь пригласили в МИД, он заявил, что Сюй умер.

Запахло международным скандалом. Агентство Синьхуа выступило с официальным заявлением, в котором, в частности, говорилось, что «агенты американских секретных спецслужб при содействии голландского правительства, не брезгуя никакими, даже самыми омерзительными, приемами, пытались обрабатывать членов китайской делегации, участвовавшей в ежегодной конференции Международного института по сварке, склоняя их к дезертизму и измене родине...

Подстрекаемый американскими агентами, Сюй Синь попытался бежать на Запад, выпрыгнув из окна дома, где жил, и получил тяжелые телесные повреждения». О смерти Сюя в заявлении не было ни слова.

Голландские власти, действовавшие по согласованию с американцами, опровергли предъявленные им обвинения и потребовали, чтобы посольство Китая передало тело «инженера» под охрану полиции, а также предоставило возможность допросить остальных членов делегации. Посольство согласилось лишь передать труп Сюя полиции. Вскрытие и обследование показали, что смерть Сюя наступила в результате

применения к нему мер насилия. Правительство Нидерландов приняло решение о выдворении из страны китайского посланника Ли, а полиция блокировала здание, в котором находились члены китайской делегации.

Пекинские власти незамедлительно предприняли ответные меры — объявили персоной нон грата поверенного в делах Голландии в Китае Г. Йонгепанса. Однако при этом была сделана очень важная оговорка: поверенный в делах сможет покинуть Пекин лишь после того, как члены китайской делегации покинут пределы Голландии.

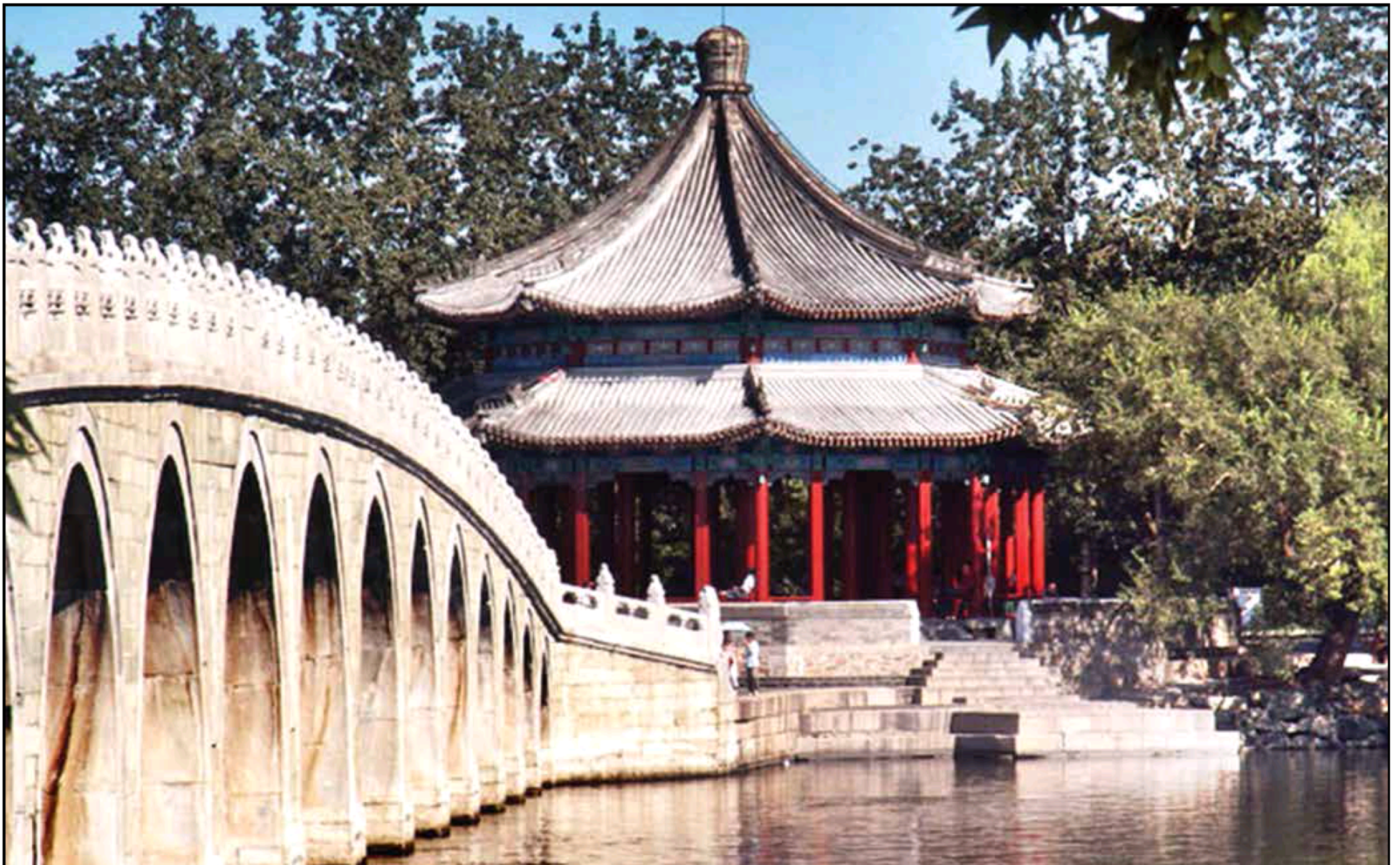
В течение нескольких месяцев обе стороны хранили молчание. И лишь 29 декабря 1966 года война нервов закончилась. Чиновникам голландского МИД была предоставлена возможность побеседовать в здании китайского посольства с членами делегации. Голландцы понимали, что беседа будет пустой формальностью, но пошли на это, дабы выволить из Пекина своего поверенного. Китайскую сторону это тоже вполне устраивало. После беседы все члены делегации вылетели из Гааги домой. В аэропорт каждый из них явился с национальным флагом и портретом Мао. Перед тем как подняться по трапу в самолет, они образовали круг и на глазах изумленных голландцев дружно процитировали ряд высказываний «великого кормчего».

3 января 1967 года в Голландию вернулся посланник Китая. И все вздохнули с облегчением. Все, кроме Ляо Шу-хэ.

Как никто другой он видел профессиональные просчеты, допущенные в ходе операции с «небольшим свертком». Дадут ли ему возможность искупить свою вину? И тогда, глядишь, все забудется. Или все-таки не простят?

Два последующих года Ляо Шу-хэ «пахал, как лошадь». И все старался уловить настрой Пекина, его отношение к себе. Мучительно долго пытался разгадать подтекст поступившей из Пекина 23 января 1969 года шифротелеграммы: «Возвращайтесь в Пекин ближайшим рейсом»...

И на следующий день в пижаме и накинутом на плечи плаще появился в полицейском управлении Гааги...

ПЕКИН. ЛЕТНИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОРЕЦ. МОСТ ИЗ 17 ПРОЛЕТОВ

Услуги лорда Ротшильда

Служба внешней разведки: «Мы не комментируем слухи такого рода. Мы предоставляем материалы только по раскрытым агентам»

БИРМИНГЕМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Самый известный из «кембриджской пятерки» советских агентов в Великобритании — Ким Филби, чуть было не ставший начальником английской разведки, — мужественный человек, балансирующий на лезвии ножа почти десять лет после допросов и обвинения в шпионаже, и только в 1963 году бежавший в СССР из-за предательства ушедшего на Запад чекиста. Филби обвиняли в том, что он предупредил об опасности своих друзей и тоже агентов советской разведки мидовца и сотрудника Сикрет интеллидженс сервис Гая Берджесса и шефа американского отдела Дональда Маклина, бежавших в СССР в 1951-м. Оба были в душе коминтерновцами, оба снабжали советскую разведку ценными материалами, рисковали жизнью и были совсем не похожи на хрестоматийные образы советских разведчиков.

Красавец Маклин, аналитик и ученый, был очень застенчив, однако, когда выпивал, превращался в буйного. Чего стоит инцидент в Каире, когда Маклин хвастался на банкете у коллеги-дипломата, что он работает на советскую разведку. Присутствовавшие решили, что он допил до ручки, а на самом деле это был нервный срыв,

усугубленный спиртным. С скромный доктор наук Маклин, трудившийся в Москве в Институте мировой экономики и международных отношений под чужой фамилией, автор статей и книг, уже совсем другой человек, не принявший советский социализм и критически настроенный в отношении КГБ, так и унес в могилу все свои сомнения и мучения, прах повелел перевезти в Англию — это о чем-то говорит.

Гай Берджесс работал и в МИД, и в разведке, обаятельнейший человек, блестящий ум, великолепные связи в английском истеблишменте, душа общества, пьяница и мот, к тому же еще и гомосексуалист, чего не скрывал. После побега в Москву Берджесс не смог найти себя, спился, дико скучал по Англии, встречался с приезжавшими англичанами, приводя в ужас КГБ, жаждал вернуться в Англию. Умер в пятьдесят три года совершенно больным человеком.

Можно, конечно, ханжески похихикивать по поводу моральных качеств этих людей и даже утверждать, как многие англичане, что именно эти пороки и подтолкнули их к помощи коммунистам, но никуда не уйти от того, что вели они себя героически и не на словах, а на деле боролись с фашизмом и свято верили в комму-

нистическое будущее. До поры до времени. Потом наступило жестокое прозрение.

Четвертым был опытейший контрразведчик, а после войны хранитель королевских картин в Букингемском, Виндзорском и других дворцах, кавалер многих орденов, королевский советник, искусствовед с международной репутацией, тонкий эстет профессор Энтони Блант. Бланта предал один из завербованных им американцев, и в 1964 году он вынужден был признаться спецслужбам в своей работе на советскую разведку, однако англичане решили не выносить сор из избы, и так он спокойно существовал до 1979 года, когда произошла утечка информации в прессу. Его лишили пэрского титула, почетной степени доктора наук, от него отвернулись все прежние друзья. В 1983 году Блант скончался.

Кто же был пятым? Этот вопрос беспокоит Англию до сих пор. Одни считают, что это был Джон Кэрнкросс, завербованный Блантом еще в студенческие годы в кембриджской альма матер и работавший попеременно в Форин Оффисе, казначействе, личной канцелярии премьер-министра, разведке, шифровальной службе. Возможности для шпионажа воистину беспредельные. Вскоре после провала Маклина

и Берджесса он порвал с советской разведкой, тоже покался и был прощен, как Блант. Его имя долго трепала английская пресса, однако судебный иск заведен не был. Но он ли «пятый»?

Умер Питер Райт, помощник начальника английской контрразведки, написавший запрещенные в Англии мемуары и вынужденный поселиться в Австралии. В книге он утверждал и доказывал, что «пятым» был начальник английской контрразведки Роджер Холлис — английское правительство резко опровергло его инсинуаций и осудило отставного контрразведчика. Райт заодно и обвинил в шпионаже на СССР и бывшего лейбористского премьера Гарольда Вильсона.

И вот новый «пятый»: Натаниэль Майер Виктор Ротшильд, по-простому Виктор Ротшильд, умерший в 1990 году в почтенном восьмидесятилетнем возрасте, известный в Англии, как лорд Ротшильд, глава той самой банковской династии, которая вошла в историю не только своими финансовыми успехами и меценатством, но и крупными займами на войну против Наполеона и финальным разгромом под Ватерлоо, и покупкой Суэцкого канала для правительства Бенджамина Дизраэли.

Ого, какая птица! И не столько волнует англичан сам факт шпионажа «детей тридцатых годов», сколько принадлежность всех их к правящей элите, к сливкам английского общества. Ну чего же недоставало, в отличие, скажем, от несостоявшегося ксендза Дзержинского или сына сапожника Джугашвили? У всех были великолепное происхождение, блестящее образование в лучших закрытых школах, а потом в Кембридже, денег куры не клевали, у всех потрясающие карьеры, успех в обществе, ну что еще надо? Пошли на попранье английских законов, связали свою судьбу с разведкой кровавого Сталина, стали «кротами», подрывающими основы того самого истеблишмента, который их выпестовал!

Кембриджский университет, куда в 1930 году поступил двадцатилетний Виктор Ротшильд, славился не только своими научными кадрами, но и поразительным свободомыслием. Особенной популярностью там пользовались коммунистические идеи, ставшие особенно притягательными для Виктора, когда к власти в Германии пришел Гитлер. Ротшильд тайно вступил в коммунистическую партию.

В Кембридже он близко познакомился с Блантом, Филби, Берджессом, также с Петром Капицей, работавшим в лаборатории у Резерфорда. Нужно сказать, что Виктор тогда не имел никакого желания непосредственно заниматься банковским делом, от отца он унаследовал 2,5 миллиона фунтов стерлингов, которые вложил в дело, а сам решил посвятить себя научной деятельности.

В августе 1934 года он получил один билет на концерт. Через пару дней прибыла небольшая записка от Филби: «Дорогой Виктор, не приходило ли тебе недавно приглашение?» Ротшильду стало ясно, что с ним кто-то хочет встретиться, причем с подачи Филби. За несколько секунд до начала концерта место рядом с ним занял высокий голубоглазый человек. Во время

антракта они разговорились о музыке, незнакомец представился как Отто, на самом деле это был Теодор Малли, венгр по национальности, кадровый сотрудник иностранного отдела ОГПУ, один из лучших вербовщиков советской разведки, впоследствии расстрелянный в годы разгрома ежовщины.

Малли произвел на Ротшильда благоприятное впечатление, они продолжили знакомство, вскоре Виктор был привлечен к сотрудничеству, в основе которого лежали борьба с фашизмом и помощь СССР — единственной стране, способной разгромить Гитлера. Малли порекомендовал Ротшильду порвать все контакты с коммунистической партией и не афишировать свои взгляды. В 1937 году Виктор занял место своего умершего дяди в палате лордов и стал таким образом лордом Ротшильдом. Круг его научных интересов был весьма широк, он считался одним из самых образованных ученых в Англии, досконально знал проблемы биологии и ядерной физики.

Работа в палате лордов и дружба с Уинстоном Черчиллем давали ему прекрасную возможность заниматься политической разведкой. Ротшильд был тесно связан с

“ Парадоксально, но чем дальше и стремительнее отодвигаемся мы от бурных тридцатых годов, тем горячее интерес к старой доброй Англии к тогдашним деяниям советской разведки, особенно к «кембриджской пятерке». «Пятерка» ли? Или больше?

сионистским движением и давал деньги на спасение беженцев-евреев. Он некоторое время работал в секретнейшей лаборатории в Портон-Даунс, где разрабатывалось химическое и биологическое оружие; с началом Второй мировой войны поступил на

работу в английскую контрразведку в отдел коммерческого шпионажа, а в 1940 году возглавил отдел по борьбе с саботажем. По роду работы он имел постоянные контакты в Форин Оффисе, английской разведке, шифровальных службах.

Ротшильд стал экспертом номер один по немецким взрывным устройствам, которые фашисты очень ловко камуфлировали, не раз он рисковал жизнью при их обезвреживании. И снова близость к сэру Уинстону: он отвечал за проверку пищи, которую подавали премьер-министру, поскольку поступала информация, что немцы попытаются его отравить. По своему положению он уже к 1943 году имел доступ ко всем научно-техническим секретам в Великобритании.

Профессор Олифант, работавший в Бирмингемском университете над магнетроном, необходимым для радара, утверждает, что в 1942 году Ротшильд прибыл в лабораторию с инспекционной поездкой и просто положил себе в карман магнетрон диаметром в три дюйма (Олифант в это время на несколько минут выходил из комнаты) и увез из Бирмингема. Вернул он его через день специальным курьером с письмом: «Дорогой Олифант, возможно, вам следует усилить меры безопасности. Получил удо-

вольствие от нашей встречи. Искренне ваш, Ротшильд». Во время инспекционной поездки в лабораторию лондонского Имперского колледжа он добыл полную информацию о методах получения плутония. Английские исследователи утверждают, что всю информацию в Москву Ротшильд «гнал» через своего друга Бланта.

Еще одну важную акцию приписывают Ротшильду. В Лондоне во время войны находился премьер-министр польского правительства в изгнании генерал Сикорский, который резко выступил против Сталина в связи с хатынскими событиями. Вскоре Сикорский погиб в авиакатастрофе. Созданную специальную комиссию возглавил Ротшильд. Расследование было спущено на тормозах, и общественность так и не дождалась доклада. Сделал ли он это по заданию Сталина? Вопрос, до сих пор не дающий покоя англичанам.

После освобождения в августе 1944 года Парижа Ротшильд расквартировал антисаботажное подразделение в собственном особняке, но вскоре перевел его в другое место, опасаясь возможных разрушений во время работы со взрывчаткой.

Временами в особняке останавливались Блант, Берджесс и Филби, и это лишний раз доказывает, что эти люди меньше всего считали себя агентами, связанными конспирацией, а были соратниками по борьбе с фашизмом и делали ставку на Советский Союз как главную силу в борьбе с Гитлером.

В Париже Ротшильду поручили допрашивать важных немецких пленных, включая Отто Скорцени, шефа отряда командос, которому удалось вывезти из Италии Муссолини. После войны, получив несколько наград от англичан и американцев, Ротшильд уволился из контрразведки и вновь вплотную занялся научными изысканиями в Кембридже, стал директором британской авиакомпания ВОАС и еще нескольких компаний, продолжал работу в палате лордов. Он использовал свое политическое влияние, тайные связи с сионистами (официально он их деятельность не поддерживал) для создания государства Израиль. В то время как английский Форин Оффис настроен был проарабски и сопротивлялся произраильскому лобби в США и планам Сталина, который в то время склонялся к созданию Израиля.

После бегства в СССР в 1951 году Маклина и Берджесса Ротшильд стал постепенно отходить от связи с советской разведкой, опасаясь разоблачений. Его тесная связь с Берджессом и Блантом была хорошо известна, не раз на него намекали журналисты в поисках «пятого», однако он угрожал судом всем, кто без веских оснований будет

РОДОВОЙ ДОМ РОТШИЛЬДОВ НА ЕВРЕЙСКОЙ УЛИЦЕ ВО ФРАНКФУРТЕ, ГЕРМАНИЯ

ПОРТРЕТ НАТАНИЭЛЯ МАЙЕРА ВИКТОРА РОТШИЛЬДА С ХУЛАХУПОМ РАБОТЫ ДЖОЗЕФА КОППЕЯ, 1914 ГОД

спекулировать на этой теме. Впрочем, в суд он ни разу не подал, хотя поводы для этого были.

В истеблишменте лорд Ротшильд продолжал пользоваться доверием. Он был сначала консультантом, а потом членом правления нефтяной монополии «Шелл» и директором дочерней «Шелл кемикалс».

В 1970 году лорд Ротшильд принял неожиданное приглашение премьер-министра нового консервативного правительства Эдварда Хита занять пост директора «мозгового треста» при центральном офисе консервативной партии, что вызвало отрицательную реакцию его друзей-социалистов. В задачи «мозгового треста» входили стратегический пересмотр и рационализация всей британской политики, в том числе и деятельности спецслужб.

В 1975 году, после прихода к власти лейбористов, Ротшильд покинул свой пост и сменил умершего родственника на посту директор банка «Ротшильд». Но вскоре лейбористы предложили ему возглавить государственную комиссию по азартным играм (в Англии эта сфера строго контролируется).

Английские исследователи считают, что после бегства Маклина, Берджесса, Филби, а особенно разоблачения Бланта все усилия Ротшильда были направлены на то, чтобы «отмыться» от своего прошлого и предотвратить всякие попытки представить его советским шпионом.

Он был человеком незаурядного ума и мужества, богатство давало ему возможность коллекционировать старинные рукописи и картины, он написал книгу об удобрении почвы, составил подробную семейную хронику, написал монографию, где классифицировал все виды ныне живущих животных, и даже эссе «Размышления метлы». Почти до восьмидесяти лет этот человек являлся одной из ключевых фигур британского истеблишмента...

Однако был ли он действительно советским шпионом и «пятым»?

«Что вы можете сказать о работе Ротшильда на КГБ?» — задаю я вопрос руководителю центра общественных связей СВР Юрию Кобаладзе.

«Думается, по степени гласности наша разведка занимает первое место в мире, однако мы не комментируем слухи такого рода, постоянно циркулирующие за рубежом. Мы предоставляем материалы только по раскрытым агентам, естественно, в определенных рамках. Кстати, этого не делает ни одна западная спецслужба».

Я пристально смотрю в голубые глаза господина Кобаладзе.

В них — ледяная пустота.

ЛЕГЕНДА СПЕЦНАЗА

Даже мне Яков Семёнов не признался в том, кто именно застрелил Амина, но подтвердил тот факт, что он был последним человеком, которого Амин видел в своей жизни...

Сергей ГОЛОСОВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Двадцать четвёртого января 2017 года, в 17.00 на железнодорожном вокзале в городе Хельсинки (Финляндия) мы с Яковом Фёдоровичем Семёновым ещё раз пожали на прощание друг другу руки и крепко обнялись. Десять дней мы провели в этом гостеприимном городе. Возвращались в одном поезде, но в разных вагонах. Мы с женой Лидией Михайловной ехали в головном вагоне, а Яков Фёдорович со Светланой Владимировной — почти в хвосте поезда. Но поскольку по прибытии в Москву мне необходимо было спешить на срочную встречу, то на Ленинградском вокзале мы с супругой быстро пересели в ожидавшую нас машину и уехали. И, конечно же, никто из нас не думал о том, что прощание на вокзале в Хельсинки станет для нас последним. Через две недели моего друга Якова Фёдоровича Семёнова, полковника КГБ СССР, легендарного командира спецназа, чьи действия в экстремальной ситуации до сих пор изучаются молодыми сотрудниками спецслужб, не стало...

Я вспоминаю, как 30 с лишним лет назад мы с Яковом возвращались из командировки в Афганистане на Ту-134 компании «Аэрофлот». Это был самый напряжённый период в афганском конфликте (1984–1985 годы), когда хорошо вооружённая западными странами оппозиция опробовала наиболее современные виды вооружения для совершения диверсионных и террористических акций против Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Переносной зенитно-ракетный комплекс «Стингер» тогда представлял большую опасность для пассажирских авиарейсов, особенно при взлёте и посадке самолёта. В 1986 году, например, «Стингерами» было сбито 23 советских воздушных судна. Самолёты, взлетавшие из аэропорта в Кабуле, были удобной мишенью для афганских боевиков, поэтому мы с Яковом как советники по борьбе с диверсионно-террористической деятельностью прекрасно понимали, насколько серьёзна опасность при взлёте самолёта и наборе высоты. Знали, видимо, об этом и другие пассажиры авиалайнера. Во всяком случае все тщательно пристегнули ремни, сидели молча, затаив дыхание, как будто это могло чем-то помочь в случае попадания снаряда ПЗРК.

Самолёт, набирая высоту, выбрасывал отвлекающие тепловые шашки и потихоньку удалялся в сторону границы Афганистана с Советским Союзом. Как только объявили по громкой связи о нахождении самолёта в безопасном пространстве, пассажиры оживились, и на раскладных столиках появились припасённые для этого случая ёмкости с горячительными напитками. Собственно, в этой командировке наши с Яковом жизненные пути сошлись наиболее близко. Раньше мы с ним встречались только в коридоре нашего центра и только здоровались, поскольку работали по разным направлениям. Но даже со стороны было видно, что он человек необычный. От него исходило не только ощущение внутренней силы, но чувствовалась какая-то позитивная энергия. Уже потом, когда нас сблизили совместная работа и боевая обстановка, я ощутил его исклю-

БОЕВЫЕ ТОВАРИЩИ СЕРГЕЙ ГОЛОСОВ И ЯКОВ СЕМЁНОВ. ПОСЛЕДНЕЕ ФОТО ВМЕСТЕ, ХЕЛЬСИНКИ. ЯНВАРЬ 2017

чительную внимательность к своим друзьям, тот внутренний потенциал, который полковник Семёнов мог раскрыть перед близкими ему людьми.

В Афганистане мы оказались в одном звене по выполнению поставленных нам руководством спецслужб задач и скоро уже представляли единую силу. Но прежде чем рассказывать об этом и рисовать «штрихи к портрету» этого замечательного человека, я хотел бы вернуться в историю афганских событий, поскольку именно они вывели Якова Семёнова на ту вершину, где в самых острых ситуациях проявились в полной мере его уникальные способности как бойца отряда особого назначения, талантливого организатора и командира.

ЖЕЛАНИЕ ПОВОЕВАТЬ

Об афганских событиях написано немало книг и брошюр, освещающих политические, военные, контрразведывательные и разведывательные мероприятия. Мне как участнику того сложного политического процесса хотелось бы обогатить в памяти и довести до читателя отдельные эпизоды, побудившие руководство СССР втянуть себя в этот локальный кровавый конфликт. Замечу, что все события в Афганистане разворачивались вокруг лидеров этой страны. Так было заведено на Востоке в целом и в Афганистане в частности. Естественной смертью никто из лидеров этой страны из жизни не уходил. Исключение составил лишь Бабрак Кармаль, да и то лишь потому, что был вовремя вывезен в СССР и доживал свои годы на даче в Серебряном Бору.

Между тем отношения между первыми лидерами страны стали обостряться. Бабрак Кармаль был поначалу отправлен

послом в Чехословакию, и хотя это сделал Нур Мохаммад Тараки, инициатором был Хафизулла Амин. Последнему для удовлетворения своих амбициозных планов осталось только избавиться от самого Тараки. Советское политическое руководство располагало информацией о готовящемся перевороте в Афганистане и предупреждало афганских лидеров о недопущении физического насилия. Брежнев обращался с личным письмом к Амину с просьбой не прибегать к кровавым мерам. Однако 9 октября 1979 года Нур Мохаммад Тараки был задушен в своей спальне.

Произошедшие события были расценены советскими руководителями как неуважение со стороны группировки Хафизуллы Амина к стране, за счёт которой она во многом существовала. Подобные варварские методы в политической борьбе среди руководства Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), пренебрежительное отношение к рекомендациям «старшего брата» дискредитировали СССР в глазах его сторонников за рубежом, выставляли посмешищем перед мировым сообществом. Были также слухи и домыслы относительно того, что Амин сотрудничает с ЦРУ, что он может сблизиться с западными странами и разместить военные базы НАТО на территории Афганистана. Этот довод стал официальной версией, объяснявшей причины ввода советских войск в Афганистан и устранение Амина от власти. Сам же Амин настаивал на вводе в его страну лишь нашего ограниченного воинского контингента. Поэтому достоверность версии о «предательстве Амина» можно рассматривать в одной плоскости с утверждениями советской пропаганды «холодным летом 1953 года» о том, что

Лаврентий Берия был английским шпионом.

Сторонниками активного вмешательства во внутренние афганские дела на самом деле были руководители силовых структур СССР. Во-первых, в армии накопилось большое количество вооружения, в том числе стареющего, а его необходимо было как-то использовать. Во-вторых, боевые подразделения вне зависимости от ведомственной принадлежности должны были знать уровень своей готовности и проверить его в боевой обстановке. Но предпочтительно было сделать это не в прямом конфликте со странами НАТО. Можно назвать, в-третьих, в-четвёртых и т.д. Но суть такова: силовые структуры страны «задаром хлеб есть не должны» — его надо отрабатывать. Одновременно было желание в очередной раз показать сомневающимся странам силу и военную мощь СССР.

ЯД ДЛЯ АМИНА

Но вернёмся к афганским событиям. В первую очередь должен отметить слабый уровень действий разведки и контрразведки при подготовке и проведении устранения Хафизуллы Амина. Очень слабо сработали «рыцари плаща и кинжала», поэтому надежда оставалась только на штурмовую операцию, проводившуюся силами спецподразделений «Вымпел» и «Альфа». Надеюсь, что коллеги из разведывательных подразделений простят мне столь неслестную оценку их действий по ликвидации Амина, тем более что это в большей степени недоработка руководителей этих структур, а не рядовых исполнителей. Вспомним нашу историю — проведение операций «Трест» и «Синдикат» в двадцатых годах прошлого века, на которых

мы все учились в Высшей школе КГБ СССР, и их результат. А здесь, в Афганистане, в дворце президента, где добрая половина охраны и obsługi были гражданами СССР, задача была менее сложной.

Участники тех событий рассказывали мне, что активные оперативные мероприятия по физическому устранению Амина велись по различным направлениям. Было проведено агентурное проникновение в его ближайшее окружение, в частности на должности повара в президентском дворце работал гражданин СССР, агент КГБ. Однако даже добавить яд в пищу Хафизулле Амину было не просто: во время застолий он не ел приготовленные блюда, которые ставили ему на стол, а, разговаривая, прохаживался среди гостей или своих подчинённых и брал пищу с их тарелок. На Востоке так заведено.

Другие дилетантские замыслы наших руководителей спецслужб также не увенчались успехом. Они даже хотели склонить к нарушению профессионального долга советника по охране президента Афганистана и поручить ему физически устранить Амина. Но на это не могло пойти руководство 9-го управления КГБ Советского Союза (охрана руководителей КПСС и советского правительства), поскольку это дискредитировало бы саму сущность этого подразделения. Его сотрудники работали советниками во многих странах мира и оказывали помощь в организации охраны первых лиц и антитеррористической борьбе. Здесь же речь практически шла об организации теракта, причём с помощью сотрудника «девятки».

Пока руководство наших спецслужб разрабатывало различные планы устранения Амина, решение Политбюро ЦК КПСС по вводу войск в эту страну постепенно реализовывалось. В Афганистане уже полным ходом стали размещаться наши войска, что происходило, напомним, с согласия Хафизуллы Амина. Не знал Амин только того, что среди советских военнослужащих находился наш спецназ из числа групп «Альфа» и «Вымпел». Его использование предполагалось только в исключительных случаях, когда другие планируемые мероприятия окажутся неэффективными. Так и получилось. Яд, подсыпанный Амину, мог привести к задуманному результату, однако советские врачи спасли его путём интенсивного промывания желудка и очищения крови. Провалился также план стрелка-одиночки. А наверху ждали результата...

ДВОРЕЦ АМИНА ДО ШТУРМА

БЕЗДАРНАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ ОПЕРАЦИЯ

В результате был задействован последний резерв — спецназ, который провёл штурм дворца Амина. Наши руководители спецслужб были настолько бездарны, что, имея такую благоприятную оперативную обстановку вокруг намеченной жертвы, чуть не провалили операцию. А самое главное, при штурме с обеих сторон погибли около 300 человек.

Яков Семёнов готовился штурмовать резиденцию Амина с группой из 30 офицеров под наименованием «Зенит» (так тогда нарекли «вымпеловцев»). У нас с ним были долгие обсуждения вопросов подготовки к штурму, он рассказывал о внутреннем состоянии бойцов перед началом операции, непосредственно в ходе её и по окончании. Другой группой, из 26 человек, командовал Михаил Романов. По какой-то неведомой причине «альфовцев» и «вымпеловцев» на подходе к дворцу смешали, хотя подготовка у групп была разной и работали они каждая по-своему. Но

и такими силами дворец Тадж-Бек был взят штурмом в течение 45 минут. Против 56 офицеров ожесточённо оборонялись более 2000 бойцов личной гвардии Хафизуллы Амина.

Бой был скоротечным, но тяжёлым. Михаил Романов был контужен, и командование взял на себя Яков Семёнов. С группой офицеров из шести человек Яков прорвался на второй этаж и, подавляя очаги сопротивления гранатами и автоматными очередями, выполнил поставленную задачу по ликвидации Амина, о чём напрямую доложил по рации руководителю операции. Мой друг даже мне не признался в том, кто именно застрелил Амина, но подтвердил тот факт, что был последним человеком, которого Амин видел в своей жизни...

По большому счёту штурм резиденции Амина был чистой авантюрой. Яков Семёнов говорил, что помогло «дикое везение». Группа численностью чуть более полста человек атаковала охраняемый объект, организацией обороны которого вплоть до дислокации постов занимались советские советники — профессионалы высокого уровня. Свою

роль сыграли, конечно, фактор внезапности, высокая профессиональная подготовка спецназа и, несомненно, резерв «мусульманского батальона» и роты десантников Витебской дивизии, которые шли во втором эшелоне. Объявление по громкой связи о гибели президента Амина также сломало дух обороняющейся стороны, но это было уже потом. Задание было выполнено. При этом, конечно, погибли ни в чём не повинные люди — как афганцы, так и советские граждане, работавшие в охране и службе резиденции.

Майор Яков Семёнов был одним из главных действующих лиц операции, правильно организовал бой и выполнил поставленную задачу с минимальными для группы потерями, при этом проявил личное мужество и героизм.

НАГРАДА НЕ НАШЛА ГЕРОЯ

С конца 1990-х журналисты, знакомые с боевыми операциями, в которых принимал участие Яков Семёнов, карел по национальности, называли его «карейским Рэмбо». Кому-то такое сравнение могло и польстить, но только не Якову Фёдоровичу. Да, у него тоже была серьёзная физическая подготовка, был опыт выживания в тяжелейших условиях, но главным всё-таки было умение организовать боевую операцию, взять на себя ответственность за жизни бойцов, за успех боя. Но, приняв на себя командование операцией по взятию дворца Амина и объективно совершив настоящий подвиг, он приобрёл ряд завистников и недоброжелателей.

По окончании этой сложной боевой операции руководство КГБ СССР не скупилось на награды и всем наиболее активным участникам операции, в том числе, конечно, и Якову Семёнову, пообещали присвоение звания Героя Советского Союза. Затем, «одумавшись», руководство там, наверху решило сузить круг героев. Это, наверное, правильно. Но вот спекулировать этим не стоило бы. Ведь всё равно информация об истинных героях этого штурма просочилась в средства массовой информации.

Закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР большая группа сотрудников КГБ СССР (около 400 человек) была награждена орденами и медалями. Полковнику Г.И. Бояринову за мужество и героизм, проявленные при оказании интернациональной помощи братскому афганскому народу, посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Такого же звания были удостоены полковник В.В. Колесник, Э.Г. Козлов и В.Ф. Карпунин.

И ПОСЛЕ... ФОТО УЧАСТНИКОВ ОПЕРАЦИИ «ШТОРМ 333»

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА

Генерал-майора Ю. И. Дроздова наградили орденом Октябрьской Революции. Командир группы «Гром» майор М. М. Романов был награжден орденом Ленина. Подполковника О. У. Швеца и майора Я. Ф. Семёнова наградили орденами Боевого Красного Знамени. Заслуженные награды получили и двое моих товарищей по занятиям самбо, два мастера спорта СССР. Орденом Ленина был награжден Сергей Голов, а орденом Боевого Красного Знамени — Александр Плюснин.

Полковник Бояринов, участник Великой Отечественной войны, орденосец, командир группы «Вымпел», участвовавший в боевой операции в возрасте 57 лет, звезду Героя получил совершенно оправданно. Козлов и Карпукhin сражались при штурме крепости храбро, не жалея себя. Но так действовали все. По-другому было нельзя. Но Героями Советского Союза стали именно они. Чем был обусловлен выбор?

Со временем достоянием гласности стала информация, что отец Козлова являлся действующим сотрудником КГБ в звании адмирала, а отец Карпухина был близок к одному из заместителей председателя КГБ СССР. У Якова Фёдоровича таких высокопоставленных родственников не было, его отец погиб на полях Великой Отечественной войны, так что лоббировать интересы карельского паренька было некому. Именно поэтому Яков Семёнов, этот поистине легендарный человек, оказался «недостойн» звания Героя тогда, по «горячим следам событий», а был награжден лишь орденом Боевого Красного Знамени. Звезда Героя Якова Фёдоровича так и не нашла. Его награжденное дело погрязло в болоте чиновничьей волокиты сегодня. Почему? Ответ достаточно банален. Основным препятствием на пути восстановления справедливости оказались лица, наиболее отличившиеся в своей бездарности при разработке деталей операции по устранению Амина.

Читателю, наверное, бросаются в глаза мои откровенные высказывания в адрес руководителей той афганской операции. Но для этого у меня есть веские причины. Организация и проведение мероприятий по устранению Амина — это одна из многочисленных задач, решавшихся спецслужбами СССР. Даже на этом примере видно, насколько обмелечали руководители среднего и высшего звена этого ведомства к последнему десятилетии прошлого века. И, как итог, была разрушена такая сверхдержава, как Союз Советских Социалистических Республик, почти вдвое сократилось население страны.

На встрече ветеранов КГБ мы задавали нашим генералам прямой вопрос об их бездействии в период смуты и краха СССР в 1991 году. Ответ до смешного прост: «Да мы мелкие винтики». Генералы — «мелкие винтики»?

Со временем стало известно, что многие руководители главков спецслужб были с, скажем так, либеральными взглядами. Вот и пошли эти «демократы» после известных событий стеречь хозяйское добро Гусинского, Ходорковского, Березовского и других олигархов.

Да, Советский Союз нуждался в реорганизации, но не ценой развала, как того хотели на Западе. У руля спецслужб могут находиться хоть либералы, хоть консерваторы, но присягать они должны единоразу в своей жизни и защищать своё отечество и его власть до последнего вздоха.

За пару недель до кончины Якова Семёнова, гуляя по набережной в Хельсинки, мы с ним завели разговор о чиновничьей непробиваемости. «Легче было подвиг совершить, чем доказывать, что он был совершен», — так резюмировал беседу мой друг. — Радует меня, что я в такой ситуации был не одинок. Во время штурма Рейхстага в мае 1945 года было водружено более 10 знамен. И всем было обещано звание Героя. Не стыдись, командиры разного уровня обещали от имени Сталина года через два-три вернуться к этому вопросу. Однако все законные претенденты, добиваясь своего, постепенно исчезали»...

ЯКОВ СЕМЁНОВ — ЛЕГЕНДА СПЕЦНАЗА

МИССИЯ В КАБУЛЕ

Сегодня не хочется даже вспоминать о неприятных и трагических моментах в нашей жизни. Перед моими глазами Яков 30-летней давности, когда в Кабуле, получив табельное оружие ПМ с одним запасным магазином, он его разобрал, проверил спусковой крючок и произнёс: «Жаль, что тира рядом нет, проверить бы оружие». Сделав несколько холостых спусков самовзводом и убирав пистолет в кобуру, добавил: «Ну а если придётся, не дай бог, то постреляем».

Группа советских советников в составе пяти человек размещалась на последнем, пятом этаже блочного дома, построенного СССР в новом микрорайоне Кабула. Город обстреливался регулярно. Иногда ночью, а иногда и днём, а гул ракет или снарядов слышался постоянно. Поэтому если случайно попадание пришлось бы на нашу постройку, то верхние этажи были бы самыми уязвимыми. Дверь в нашу квартиру на замок не закрывалась, а подпиралась на ночь камнем. Виктор Петрович Н., наш коллега по работе, эту заботу взял на себя. Его комната была крайней при входе в квартиру, и поэтому в случае какой-либо провокации он был бы первым попадавшим под удар. Я не знаю, как он провёл эту командировку, спал ли ночью или прислушивался. Но мне было его жаль. Вся его оперативная работа ранее в основном была связана с писаниной. У него не было той психологической закалки, как у Якова или у меня, поскольку все свои предыдущие годы мы не расставались с оружием.

Мы сами себе готовили пищу. Для начала расписали дни, но потом выяснилось, что приготовленные блюда, пригодные для еды, получают только у Якова и у меня. Остальные дружно садились за стол, громко и громко выражали удовольствие уровнем приготовления пищи, но это не избавляло их от черновой работы: чистки картошки и мытья посуды.

Бытовые условия были нормальными, если не учитывать того, что возможность пользоваться электричеством и водой зависела исключительно от удачи. Довольно часто нам приходилось читать со свечкой, а иногда уже намыленные мы выскакивали из ванной и вынуждены были вытираться полотенцем из-за вдруг исчезнувшей воды. Досуг мы проводили главным образом за чтением книг или игрой в шахматы. Яков был очень серьёзным соперником. Наши поединки иногда затягивались до глубокой ночи: никто не хотел сдаваться, а уровень нашего мастерства был где-то на уровне первого спортивного разряда.

Поездки по городу, посещение рынков и магазинов, где мы приобретали продукты питания по сносным ценам, и, конечно, русская баня с посылками. Афганистан — страна не совсем благополучная не только с точки зрения безопасности, но и с точки зрения санитарии, поэтому мы пропускали перед обедом соточку, считая это профилактикой. Но тут возникал один нюанс: командированному провозить в любую страну, в том числе и в Афганистан, разрешалось не более двух бутылок спиртного. Покупать этот напиток на рынке было и опасно, и очень накладно, тем более что мы хотели что-то привезти своим близким. Нам удавалось иногда выбрать на рынке весьма хорошие вещи западного производства, хотя все они были с небольшим дефектом. Но у нас в стране и того не было...

Мы сильно сдружились с Яковым в Кабуле. Если попробовать охарактеризовать его как человека, то наиболее отличительной чертой его являлась верность мужской дружбе. Недаром его жена, Светлана Владимировна, жаловалась мне: «У него на первом месте друзья, и на втором тоже они, а мы, семья, уже потом». Дружить Яков действительно любил и умел, а потому их, друзей, у него было много, и самое главное, они были

надёжные. Так вот, во время командировок в Афганистан наша жизнь немного скрашивалась именно благодаря общению с друзьями Якова...

«ЧИСТЫХ РУК» НЕ ХВАТАЛО

Человек познаётся в процессе многих лет общения. Разбежавшись в разные стороны после событий 1990-х годов, каждый из нас, офицеров КГБ, почувствовал в реальных условиях, чего мы стоим на самом деле. Часто способность выживать в сложной ситуации, а такими были лихие приватизационные времена, становилась мерилем для каждого из нас. А ещё характеристику советскому человеку можно было дать, оценивая его поведение в условиях, когда появилась возможность заработать нечестным путём.

За последнюю четверть века я среди бывших чекистов встречал немало персонажей, пытавшихся ухватить кусок пирога, не принадлежавшего им ни по праву, ни по законам человеческой морали. При этом они были готовы ради своей выгоды пойти на крайние поступки, вплоть до криминала. Что касается «холодной головы и горячего сердца», то этого хватало с достатком. А вот относительно «чистых рук» мне пришлось усомниться. Как говорят, грязные дела чистыми руками не делаются.

В эти тревожные времена рыночных отношений Яков Семёнов остался верен себе. Он знал, что его родные и близкие в Карелии переживают далеко не самые лёгкие времена. И он уехал туда, в дикие карельские леса. Начиная с нуля, он создал коллектив, взявший на себя задачу организации национального парка в красивейших местах на севере нашей страны, и у него стало получаться. Лишь после того, как его идеи были воплощены в жизнь и парк заработал, он со спокойной душой вернулся в Москву. Вернулся с новыми друзьями и связями. Парадокс, но не в Петербурге и не в Москве, а на карельской земле он познакомился со своими коллегами по работе в спецслужбах, которые в более поздние, 2000-е годы заняли ключевые посты в руководстве страны.

Появившись в столице, Яков сразу дал знать о себе. Мы стали регулярно созваниваться и встречаться. 1990-е годы лёгкими не назовёшь, но они были интересными в том плане, что каждый из нас попробовал в той жизни свои способности. Каждый что-то предпринимал. Почти все наши сослуживцы оказались в круговороте событий и начали было заниматься своим делом. Но рыночный капитализм тем и отличался от застойного социализма, где за нас всё решали наверху, что, когда ты стоишь с разинутым ртом, тебе удача не улыбнётся. О порядочности и справедливости речь вообще не шла. Забвению предавали все нормы морали и божьи заповеди. Я ощутил это и на себе. Некоторые бывшие «друзья» и сослуживцы решили расправиться и со мной и «обнулить» созданный мной бизнес.

Оценив создавшуюся обстановку, Яков Фёдорович не постеснялся ради друга напомнить о своих заслугах перед Родиной, попросился на встречу к руководству ФСБ и был принят. Мой друг Яков хотел защитить меня и сделал это так же решительно, как в декабре 1979 года повёл сводную группу «Альфа» — Вымпел на штурм дворца Амина. Такая решительная готовность Якова помочь друзьям, находящимся в сложной ситуации, достойна самой высокой оценки. Даже тот факт, что в жизни ещё есть порядочные люди, дорогого стоит.

Об авторе:

Голосов Сергей Яковлевич — ветеран 9-го управления КГБ СССР. Занимался обеспечением безопасности Фиделя и Рауля Кастро во время их визитов в СССР. В 1976—1979-х годах работал персонально с лидером компартии Чили Луисом Корваланом. В 1980-е годы выезжал в командировки в Афганистан и Ливию в качестве советника по борьбе с диверсионно-террористической деятельностью.

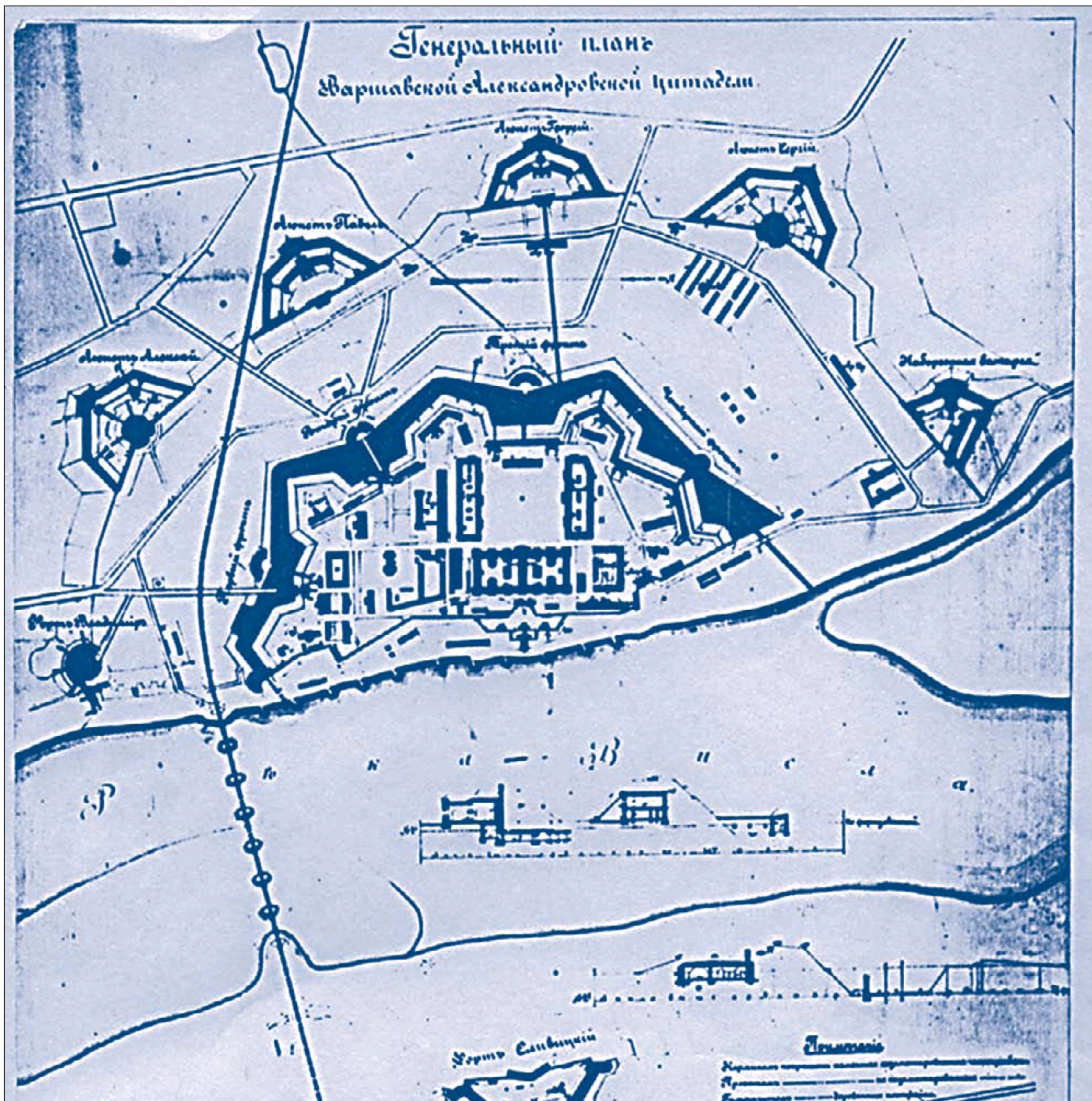
Взрыв Варшавской цитадели

95 лет назад боевики военного отдела Коммунистической рабочей партии Польши под руководством ГПУ взорвали склад со взрывчаткой в центре города

Владимир ВОРОНОВ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

WIKIPEDIA.ORG

Ранним утром 13 октября 1923 года польскую столицу потряс страшный взрыв. Григорий Беседовский, высокопоставленный сотрудник тогдашней советской миссии в Варшаве, вспоминал, как его разбудил мощный толчок, распахнулась балконная дверь, из окон посыпались стёкла, а ударная волна смела на пол всех и всё. Выскочив вместе с женой на балкон, советский дипломат увидел, что вся улица засыпана грудами битого стекла и по ней в ужасе бегут толпы людей. Вскоре стало известно, что взрыв произошёл в Варшавской цитадели: взорвалась большая часть погребов, где хранилась мощная взрывчатка, экразит (пикриновая кислота, в России её именовали мелинит, а в Японии — шимоза).

«Сила взрыва была так велика, — вспоминал Беседовский, — что рота солдат, стоявшая на плацу в полукилометре от цитадели, была поднята целиком на воздух и сброшена на середину Вислы, где утонуло несколько десятков человек». Всего же от взрыва пострадали сотни людей, и «только счастливой случайностью можно было объяснить, что уцелели предместья и улицы Варшавы, расположенные вблизи цитадели».

Следствие быстро установило, что цитадель взлетела на воздух не из-за высокой чувствительности этой взрывчатки или, скажем, неосторожности часового, а «от адской машины, спрятанной в проходе первого погреба». Непосредственными исполнителями теракта были боевики так называемого военного отдела Коммунистической рабочей партии Польши, но сделали они это по непосредственному указанию секретаря советского полпредства Стефана Еленского (настоящая фамилия Узданский). Еленский был заместителем руководителя объединённой резидентуры Иностранного отдела (ИНО) ГПУ и Разведупра РККА в Польше Мечислава Логановского — по линии военной разведки. Правда, по другой версии, организатором был второй секретарь советской миссии Казимир Баранский (Кобецкий), который был замом Логановского уже по линии ГПУ. Впоследствии именно он и получил за это дело орден Красного Знамени. Разумеется, инициатива столь крупного диверсионного акта исходила от более высоких фигур. Судя по доступным источникам, непосредственное указание организовать теракт поступило из Москвы от Иосифа Уншлихта — 1-го зампреда ГПУ, члена РВС СССР, руководителя польской секции Коминтерна. Именно Уншлихт тогда определял советскую политику в Польше, он же координировал деятельность всех советских спецслужб в Польше — как по линии Исполкома Коминтерна, так и по линии ИНО ГПУ и Разведупра РККА.

Период с 1920 по 1925 год в Польше именуют «сезоном бомб»: страну сотрясала череда взрывов в госучреждениях, университетах, редакциях газет, несколько раз пытались взорвать и Пилсудского. Всем этим занималась та же диверсионная организация — военный отдел польской компартии, реально управляемый из Москвы. Через советские миссии в Варшаве диверсанты снабжались деньгами, оружием, бомбами. Всё это вполне укладывалось в линию Москвы на организацию коммунистических восстаний и мятежей в европейских странах.

Как писал Владимир Пятницкий (сын секретаря Исполкома Коминтерна Осипа Пятницкого), ещё в 1922 году ИНО ГПУ подготовил для Политбюро ЦК РКП (б) секретный доклад относительно перспектив социалистической революции в странах Европы.

Основные надежды связывались с Германией, Польшей и Италией, потому «в эти страны по нелегальным каналам предполагалось командировать ответственных военных и политических работников для закладки баз с оружием и практической подготовки боевых отрядов».

Но главным было то, что летом 1923 года в решающую фазу вступила спецоперация по организации революции в Германии. Польше там отводилась роль почти ключевая. Советское руководство тогда начало тайные переговоры с Варшавой, обратившись к польскому правительству с требованием, мягко говоря, оригинального свойства: Москва просила пропустить через территорию Польши в Германию части Красной Армии — кавалерийский корпус из нескольких бригад (поначалу речь якобы шла даже о пропуске чуть ли не 200 тысяч сабель!). Красная кавалерия должна была ворваться в Германию на помощь «восставшим революционерам» через

узкую полосу «Виленского коридора». Вся операцию по переброске клятвообещали провести всего за три дня, а сам проход предложили оформить как... «самочинный акт» красных конников. Посему, писал Беседовский, «ни советское, ни польское правительство не будут нести за него никакой ответственности». За это полякам обещали золотые горы в буквальном смысле: 30 миллионов рублей золотом. Плюс — беспослиный транзит любых польских грузов через территорию Советского Союза. Но вишенкой на торте было обещание отдать Польшу... Восточную Пруссию: хотите — вводите туда свои войска и забирайте её себе, хотите — мы вам её отдадим после революции в Германии, вместе с Данцигом... Разумеется, никакой Восточной Пруссии Москва полякам отдавать не собиралась, явно рассчитывая, что Польша завязнет в войне с немцами, а когда прочухается — со всех сторон уже будут Советский Союз и Советская Германия...

Разумеется, поляки на эту незатейливую комбинацию ответили категорическим отказом в пропуске Красной Армии, да и сами в Восточную Пруссию не полезли. Потому Москва и прибегла к иным мерам убеждения Варшавы, вот склады в цитадели и взлетели на воздух.

Естественно, польские власти начали аресты террористов из коммунистического подполья. В ответ польские коммунисты — по указанию московского Центра — 22 октября 1923 года организовали всеобщую забастовку железнодорожников. Тогда 31 октября Юзеф Пилсудский издал указ о введении чрезвычайного положения и создании военно-полевых судов. На что, разумеется, тоже прилетела «ответка»: 5 ноября польские коммунисты анонсировали уже всеобщую политическую забастовку, а 6 ноября в Кракове вспыхнули инициированные коммунистами волнения, вылившиеся в баррикадные бои. Тут же, вспоминал Беседовский, в советское полпредство из Москвы ежедневно посыпались длиннейшие шифротелеграммы «и по линии Коминтерна, и от Уншлихта, и от Дзержинского». Все они требовали, указывали и приказывали «во что бы то ни стало взять руководство краковским восстанием и начать организацию отрядов Красной гвардии из краковских рабочих». Не выгорело, советское полпредство задание провалило, не сумев послать в Краков ни своих людей, ни денег, ни оружия — железная дорога не работала из-за забастовки, организованной советской же агентурой!

Коварный сноб Вальтер

«Ваш источник с самого начала работал на англичан, это их опытный агент, тонкая подстава, а мы – круглые идиоты!»

Михаил ЛЮБИМОВ

Специально для «Современно Секретно»

О тель «Националь» пригож в любые времена, а в 1960-е считался самым модным и комфортабельным. Именно там и остановился английский журналист Вальтер на пути из Лимы в Лондон, юркий, любезный, с милой родинкой на щеке, любимец и гордость резидентуры в Лиме, где он нёс золотые яйца в огромных количествах, и все радовались, и получали ордена, и ходили, высоко поднимая голову. Все ему приходит конец, и редакция газеты отозвала Вальтера на родину. Он и сам уже начинал скучать по Англии, которую, как писал англофоб Гейне, «давно поглотил бы океан, если бы не боялся расстройства желудка».

Вальтер был не только политической Кассандрой, но и заядлым садоводом, жил он в двухэтажном коттедже в Рединге, где в прославленной тюрьме воспел свои и чужие пороки Оскар Уайльд. Он не просто любил свой сад до самозабвения — он обожал его как собственное дитя, он скучал по нему и на встречах с суровыми разведчиками в Лиме вновь и вновь перечислял и подробно описывал каждый кустик, каждое дерево, каждый цветок. Даже советский резидент в Лиме заразился его страстью к садоводству. О, ритуал подстригания вечнозелёной травы, когда жужжит машина и стоит наготове лейка, а в дрожании приседающего солнца обостряются краски, превращая в сказочную картину всё вокруг! О, жизнь, прекрасная жизнь! И как приятно махнуть рукой через улочку соседу в подтяжках и клогах, который тоже топает по зелёному бархату, и бросить умиротворённый взгляд на вытянутый колапк истинно английской церквушки! Догорел день, сад наполнился новыми, вечерними запахами, и самое время, натянув габардиновые брюки и ярко-клетчатый пиджак, неторопливо пройти по истёртым веками булыжникам в скромный паб «Голова сарацина», приют окрестных жителей, где хозяин, с улыбкой и не задавая вопросов, сразу наливает клиенту именно тот самый, самый-самый, всегда желанный сорт виски...

Вальтер свалился на меня как снег на голову: я и не мечтал о таком крупнокалиберном агенте и очень удивился, когда шеф вызвал меня в кабинет, передал досье и объявил, что сама судьба привела Вальтера в Москву и мне предстоит и поработать здесь, и договориться о связи в Лондоне. Англия занимала все мои мысли, я прилежно осваивал суровый Альбион по газетам и книгам, я даже знал, что в Эшборне раз в год весь город играет в футбол прямо на улицах (уже потом, в Англии, сажал в калошу всех англичан: никто не знал об Эшборне), а сноб — это человек, который посылает свою собаку в Альбион, чтобы она научилась правильно лаять. Я выписывал в заветную тетрадку английские пословицы и поговорки (чего стоило «Может ли леопард сменить свою шкуру?», означавшее: «Горбатого могила исправит»), дабы ослеплять ими носителей котелков и орденов Подвязки. Я работал над собой как вол, я бился над картой Лондона, нет, не над замком Тауэр или симфоническим залом «Альберт-холл», а над дальними районами типа Аксбриджа или Кройдона, где предстояли тайные встречи. Я с лупой в руке прослеживал маршруты метро и автобусов, которые следовало беспрестанно менять. Особенно ужасными казались автобусы загородной «зелёной линии»: на них по ошибке можно было умчаться вообще из Англии в Сен-

АЛЕКСАНДР КАТКОВ/ТАСС

Жермен-де-Пре и загулять с богемой на Монпарнасе, в то время как издёрганный и измученный агент мокнул бы под дождём у памятника жизнелюбу Фальстафу, что в Стратфорде-на-Эйвоне. Осваивал и западные привычки: учился снимать шляпу в лифте, если туда впархивали дамы (это американское, не английское пижонство я подметил ещё в юности в весёлом фильме «Джордж из Динки-джаза»), пытался вкрапывать тонкий юмор в тосты — с этим было сложнее, но хотелось иметь успех, а я вычитал, что человек, имеющий успех на лондонском банкете, способен управлять всем миром... Скромное желание юнца.

В те времена в разведке работали основательно, и уж если агент попадал вдруг на территорию любимого им государства, то использовали его на всю катушку — и по местным иностранцам (заодно и проверяли, на что он пригоден), и тренировали его на случай мировой войны, всеобщего землетрясения и апокалипсиса, когда разведке, как предполагалось, пришлось бы работать в особых условиях.

ОСНОВЫ ШИФРОВАНИЯ

Итак, я уверенно прошёл в «Националь», в ответ на церберовский оклик швейцара: «Вы к кому, гражданин?» — бросил несколько английских фраз, вполне в панда с заграничным костюмом, заменившим пару лет назад брюки клёш и мешок-пиджак с кривыми надставными плечами, поднялся на этаж, где жил Вальтер, убедился, что в коридоре безлюдно, и постучал в дверь. Устроили Вальтера в шикарном люксе (на всякий случай поставили номер на слуховой контроль). Мыслил он в Москве пошляться по музеям и соборам, поесть икры, поволочиться за девушками — в общем, отдохнуть после тяжких трудов в Лиме.

Но не тут-то было! Я в твёрдых тонах изложил ему свою программу: каждый день с 10 до 12 часов — уроки тайнописи и элементарного шифровального дела, вечером — работа с секретаршей французского посольства, которую Вальтер знал по Англии (она, по данным нашей контрраз-

ведки, до того страдала от одиночества, что интересовалась русскими мужчинами, хотя офицер безопасности посольства не раз предостерегал её и даже не советовал ходить в английский клуб, куда, несмотря на закрытость, всё равно легко проникали агенты КГБ).

— Когда вы договоритесь с нею о встрече, не забудьте купить букет цветов, — учил я, ощущая свою мудрость. — Женщины, знаете ли, любят цветы, и это поднимет ваши шансы...

— Неужели вы думаете, что я идиот и поташу через весь город букет, словно веник? — возмутился Вальтер и показал, как нелепо торчит букет, если его прижимать к животу.

— А как же ещё? — растерялся юный Песталотци.

— Молодой человек, букеты приносят дамам посылные при цветочных магазинах, а джентльмену остаётся только вложить визитную карточку.

— Ну уж эти капиталистические замашки...

— Зато удобно! — отрезал Вальтер.

Впрочем, тайнопись и шифродело он изучал с удовольствием, задавал много вопросов, не без юмора принял из моих рук «Книгу снобов», написанную одним из них Теккереем и выбрал пассаж, который лёг в основу шифрования. Дело с секретаршей, однако, двигалось туго, она бурно отдалась Вальтеру без всяких цветов, но тянуть из неё секреты он счёл преждевременным. («Давайте я приглашу её в Лондон, повожу по ресторанам, сделаю хорошие подарки, естественно, для этого потребуются кругленькая сумма».) Я чуть было не возмутился, но шеф охладила мой пыл: «Этот Вальтер совершенно прав. Не надо спешить!» И Вальтер уехал в Лондон, вскоре за ним последовал и ваш покорнейший слуга.

В Лондоне наши встречи проходили в глухой конспирации, даже не в пригородах Лондона, а в пределах 25-мильной зоны, разрешённой для свободного передвижения дипломатов, подтачивающих остров фарисеев. В микрорайонах, у магазинов, где без подозрений можно было топтаться,

рассматривая в витринах шляпы или чулки, затем переходили в паб, забирались в угол и там неторопливо обсуждали шпионские дела. Правда, роли в Лондоне поменялись: теперь уже Вальтер учил меня — правильному произношению английских улиц (читаются совсем не так, как пишутся, сам чёрт ногу сломит!). Особенно недоволен он был покроем моего плаща, который выдавал «человека с континента» (плащ был шведским, хотя куплен в Лондоне). Любопытнейший глаз, как страдал Вальтер, сразу фиксировал плащ и вполне мог вычислить меня среди миллионов сновавших по улицам джентльменов. Однажды, когда я оставил в пабе на столике выкуренную пачку из-под «Мальборо», Вальтер устроил жуткую сцену, ведь на пачке отсутствовала налоговая наклейка, и хозяин паба мог догадаться, что в его заведении упивался пивом либо контрабандист, либо дипломат, освобождённый по общим правилам от налогов. «Вы забудите не только себя, но и меня!» — шипел он.

Вдруг Вальтер исчез. Я 11 раз (!!) выходил на запасные и экстренные встречи, на ежемесячные явки — система связи была разработана на все случаи жизни и смерти и, конечно, исключала телефонные звонки. Мрачно бродил в туманах и под ливнями, ожидал под козырьками у кинотеатров и на скамье под вязами, раздражённо рассматривал витрины, и уже казалось, что весь район давным-давно обложен бандами английской контрразведки. Дико хотелось выпить, рвануть эдак граммов 200 виски, но заходить в паб... лишний раз светиться... Что такое ожидание, знают лишь влюблённые и шпионы — только одни могут ждать до бесконечности, мечтательно глядя в небо, и даже писать стансы на манжетах, усевшись на ступеньки под башенными часами, а другим запрещено ожидать больше 15 минут, дабы не примелькаться лавочникам, продавцам газет, агентам полиции и просто любопытствующим бездельникам. Но какая тоска на исходе 15-й минуты, какая печаль! Такая печаль и не снилась больному Прусту в его «В поисках утраченного времени!» Сколько

потрачено часов на проверку по маршруту и на подготовку к встрече, сколько сил души ухлопано на этого гада с длиннющим хитрым носом! И снова топтать через неделю по запасным условиям! Полгода я жил в кошмаре, словно бродил по катакомбам, наконец, на очередной встрече длинный нос всё-таки вынырнул из-за угла. Я чуть не покрыв его румяные щёки поцелуями, он же объяснил, что попал в больницу, хотя с такой загорелой физиономией не болеют, а греют кости на Канарских островах. Ясно, что он крутил мне мозги, но почему? Посовещавшись с Центром, я решил, что Вальтер таким образом намекал на желательность добавочных золотых дукатов за взрывоопасность своей работы в Лондоне, где шпионам жилось не так привольно, как в Лиме. Пришлось отвалить Вальтеру чуть больше положенного, потребовав взамен грызть крепости с секретами, об этих штурмах разговоры шли непрестанно. Однако Вальтер снова стал пропускать встречи, и я снова кусал свои неаристократические ногти, мучился на пустынных площадях и ждал, ждал, ждал... А взбешённый Центр с завидным постоянством молотил меня цепом, обвиняя в неумении организовать работу с ценным агентом, лупил так, что пух и перья летели...

Но судьба сменила гнев на милость: Вальтера редакция направила в Джакарту, а через год в Москву отозвали и меня! К тому времени я уже англазировался (не последнюю роль сыграли уроки Вальтера), с иронией относился к европейскому стилю одежды (только серые, только приглушённые тона, как у нас в Англии!), поправлял новичков, говоривших «Букингем» вместо «Бакинэм». Причёсывал волосы щёткой из модного магазина «Дерри энд Томс», иногда надевал шейный платок (интеллектуал из Блумсбери), тормозил на «зебрах» и из-за этого в Москве чуть не попал в катастрофу, виски разбавлял водой только из-под крана, подшучивая над янки, хлебавшими его с содовой, и утверждал, что ботинки английской фирмы «Черчиз» — лучшие в мире.

«КАК МНЕ НАДОЕЛА КОНСПИРАЦИЯ!»

О своём первом учителе Вальтере вспоминал редко и очень удивился, когда меня вызвал шеф и предложил срочно выехать в Восточный Берлин на встречу с Вальтером, летевшим в отпуск из Джакарты в Лондон. Резидентура в Джакарте сетовала, что Вальтер потерял свои бойцовские качества, обленился и даже тяготился работой с нами (!) и всё мечтал о возвращении в редингский садик с розовыми кустами. И тут на пути в отпуск Вальтер попросил встречи со своими товарищами по борьбе с

коварным Альбионом, и не с кем-нибудь, а со мною самим, героем его прошлых подвигов. Шеф передал мне шифровку — сердце взволнованно забилося! Как приятно сознавать себя и самым умным, и самым всезнающим и вообще — великим разведчиком!

Поезд Москва — Берлин, путешествие по социализму, который всё улучшался от полного запустения в родной стране, через более сносную, но достаточно грязную Польшу в нечто жирное и благоустроенное на восточно-немецкий лад, бездушное и от этого ещё более паскудное. Романтично подняв воротник английского плаща (шведский подарил папе-пенсционеру), я расхаживал у кинотеатра совсем недалеко от «пункта Чарли», разделявшего две мировые общественные системы, хмурил лоб, курил мягкую голландскую сигару, всматривался в силуэты вдвигавшихся и ощущал себя Джеймсом Бондом. Нервничал не на шутку, но — звон победы раздавайся! — вынырнул из-за угла знакомый нос, сверкнула родинка, мы прижались друг к другу разгорячёнными щеками, стремительно прошли по улице и быстро опустились в гаштетте.

— Чёрт побери! — сказал Вальтер, — глупо приехать в Берлин и не съесть хорошего айсбайна. Это кусище свинины, свиная рулька, — пояснил он с обычным видом учителя. — Конечно, нужно худеть, но что может быть прекраснее айсбайна с кислой капустой и пивом? Как мне хочется, дорогой мой, чтобы вы увидели мой сад в Рединге. Как мне надоела конспирация! Так хочется пригласить вас, старого друга, сесть в саду на солнышке за пинтой пива и поговорить по душам!

Впрочем, дела оперативные, которых накопилось невпроворот, не давали почувствовать чудеса айсбайна. Я включил портативный магнитофон, дабы потом не потерять ни единого слова, выпорхнувшего из золотого рта Вальтера. Обсудили и планы создания вербовочной группы в Джакарте и потом в Лондоне, и даже буду-

“ **Что такое ожидание, знают лишь влюблённые и шпионы — только одни могут ждать до бесконечности, а другим запрещено ожидать больше 15 минут, чтобы не примелькаться**

щий переход Вальтера из газеты в Форин Офис, где у него имелись солидные связи. Вальтер только и рвался в бой.

— Передавайте привет всем товарищам в Москве, — сказал он на прощание. — Я мечтаю снова туда приехать, и уж тогда мы поработаем над кем-нибудь посерьёзнее, чем секретарша, которой вы советовали дарить цветы (не забыл, гад, помнил о венике). Москва — это моя любовь, а наше

PHOTOXPRESS

ТОТ САМЫЙ ЗАЛ РЕСТОРАНА ГОСТИНИЦЫ «НАЦИОНАЛЬ», ГДЕ ЛЮБИЛ ВСТРЕЧАТЬСЯ РАЗВЕДЧИК ЛЮБИМОВ С ДВОЙНЫМ АГЕНТОМ ВАЛЬТЕРОМ

ИВАН ДЕНИСЕНКО/ТАСС

общее дело — смысл всей моей жизни. До свидания, советую вам разводить в своём саду рододендроны — они красивы и неприхотливы (я пропустил это мимо ушей, ибо дачи тогда презирал как частную собственность — пережиток капитализма).

Мы по-русски расцеловались, и я подумал, какие прекрасные люди живут на земле и как они помогают моей стране, побольше бы таких агентов, как Вальтер!

...К шефу я вошёл с чувством солдата, исполнившего свой долг, вручил кружку с симпатичным берлинским медведем и замер у начальственного стола. Обычно кислое лицо шефа на этот раз было окрашено в хмуро-уксусные тона.

— Ну, как там дела в Берлине? — начал он издали.

— Всё в порядке, — отвечал я. — Агент прибыл на встречу вовремя, беседовали мы часа три, всё обсудили, я записал на плёнку. Впервые в жизни я попробовал айсбайн.

Последняя улыбка была рассчитана на воодушевление шефа: он любил поесть, всегда выпрашивал детали меню на докладах о встречах с агентами, сомневался в правильности выбора и его сочетания со следующим блюдом, вносил поправки и добавления и, конечно же, вспоминал, что он ел в подобных обстоятельствах и какой маркой вина запивал. Однако шеф пожевал губами и хмыкнул.

— Вы ему верите? — спросил он внезапно.

— Конечно, — ответил я. — У нас нет оснований ему не верить.

— Мы его проверяли?

— Конечно. В деле есть отметки. Я и сам помню все эти операции в Лондоне...

И я поведал начальнику, как Вальтера раз пять проверяли на тайниках: он вынимал и передавал нам контейнеры, и каждый раз наши технари внимательно изучали, не вскрывались ли они английской

или иной контрразведкой — к счастью, всё проходило гладко, и никто не сомневался в честности Вальтера. Да и в беседах я не раз возвращался то к связям Вальтера в прошлом, то к другим мелким деталям, зафиксированным в деле — чтобы врать, как известно, нужно иметь хорошую память — ни одной осечки, ни одного противоречия, все без сучка, без задоринки. Шеф слушал меня спокойно и безо всякого интереса.

— В Джакарте его тоже проверяли, и тоже всё гладко, ваш Вальтер с самого начала работал на англичан, это их опытный агент, тонкая подстава, а мы — круглые идиоты!

Шеф резанул рукой прокуренный воздух.

— Не может быть! — удивился я. — Он так к нам хорошо относился (первый учитель, мелькнуло в голове).

— Точная информация от немецких друзей. Какой я идиот! Зачем я клоннул на предложение совсем из другого региона! — убивался шеф. — Кому нужна была поездка в Берлин? Работал бы он себе в Джакарте... и чёрт с ним! В конце концов, это другой отдел... а тут конец года, отчёт, и думаете, меня погладят по головке за английскую подставу?! Вечно беда с этими энтузиастами-фрицами (имелись в виду немецкие друзья из Штази), вдруг проявили инициативу, мудаки, стали его проверять и докопались! А вы тут со своим айсбайном... Что мне теперь с вами делать, куда направлять на работу? Вы же расшлёпаны, причём давно!

Я вышел из кабинета словно оплётанный. До сих пор я никогда не испытывал горечи предательства, я чуть не плакал, я ненавидел предателя и готов был убить его. Я не знал, что впоследствии меня не раз предадут и чужие, и свои, и всё это опровергает, и станет привычным, и не будет вызывать совершенно никаких эмоций. ■

Рауля Кастро могли застрелить в СССР

Подполковник 9-го управления КГБ СССР Сергей Голосов: «Тогда сработала интуиция. Только спустя много лет выяснилось, что Хосе Ренсали был завербован американской разведкой. Он и ушёл на Запад через Финляндию»

Алексей БОГОМОЛОВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Газета «Совершенно секретно» продолжает публикацию бесед с ветераном 9-го управления КГБ СССР Сергеем Яковлевичем Голосовым. Он в течение многих лет работал в подразделении, которое занималось личной охраной советских и иностранных государственных лидеров. Во многом его специализацию определили не только чисто профессиональные и физические качества (он мастер спорта СССР и 30-кратный чемпион «девятки» по борьбе самбо), но и то, что он хорошо владеет испанским языком.

Герой сегодняшней публикации — действующий глава Кубы, который играет заметную роль в сегодняшнем мире, — Рауль Модесто Кастро Рус. С младшим братом Фиделя Кастро Раулем Сергей Голосов работал более 10 лет, причём встречался с ним не только во время визитов в Советский Союз, но и на Кубе, в Эфиопии и Анголе.

НАШИ САНКЦИИ — МЕЛОЧЬ ПО СРАВНЕНИЮ С КУБИНСКИМИ

— Сергей Яковлевич, вы много лет работали с кубинскими лидерами, доверительно общались с ними. В чём, по-вашему, секрет их стойкости и стабильности?

— В первую очередь в том, что они 60 лет не изменяют своим идеалам и опираются на широкую поддержку народа. А уже во вторую — в личных качествах настоящих государственных мужей, способных даже при отнюдь не тепличных условиях не просто удерживать власть, но и постепенно, без эксцессов изменять систему в соответствии с требованиями современной жизни.

40 лет назад мы встречали Рауля Кастро на Северном Кавказе. У нас была большая командировка — Архыз, Домбай. Мы даже прошли пешком через перевал до Сухуми. Во время этого перехода я разговорился с заведующим сектором Кубы в аппарате ЦК КПСС Олегом Тихоновичем Дарусенковым. То ли по тогдашней наивности, то ли по доверию я задал вопрос, который сегодня задавать бы не стал. Спросил его, насколько прочна советско-кубинская дружба. И он мне тогда ответил: «Пока существуют Фидель и Рауль с кубинской стороны, никаких изменений не будет». Его слова были пророческими. Они остались верными своим обещаниям, в отличие от нас. Мы 25 лет назад бросили Кубу.

— А почему мы их оставили? По деньгам не потянули? Или чисто политически — хотели дружить с Америкой, сбрасывать балласт?..

РАУЛЬ КАСТРО И СЕРГЕЙ ГОЛОСОВ. ФОТО НА ПАМЯТЬ

— Я думаю, что причина была скорее политической. Окончательно вывод всех наших позиций был уже в 2002 году. Конечно, нам Куба обходилась дорого, но с учётом нынешней международной обстановки она как союзник нам очень бы пригодилась. Я не работаю с кубинскими лидерами с 1983 года, с тех пор как я перешёл в разведку. Но моё отношение к Кубе и её лидерам вызывает у меня ещё большее уважение и любовь. К обоим лидерам: Фиделю и Раулю. Конечно, Фидель был главным в одних временных рамках, Рауль — в других. Но то, что сейчас делает Куба, — это вещь особенная. Она десятилетиями жила в условиях почти полной изоляции. И выстояла.

— Сейчас какие-то подвижки в отношении Кубы и США всё-таки есть...

— Но эти подвижки продиктованы не давлением, не санкциями, а временем. И они взаимны. Американцы поняли, что сломать через колено Кубу они не смогли. И сегодня вынуждены строить мирные отношения.

— Но ведь наша страна несколько лет заигрывала с США, причём в ущерб собственной безопасности...

— У каждого народа есть своя гордость. Да, кубинцы сейчас живут не лучше всех, скажем так, небогато. Раньше было ещё сложнее. Но они не дрогнули.

За что я ценю Рауля сегодня? За то, что он, сохраняя верность основным принципам Кубинской революции, проявляет политическую гибкость и действует не под давлением эмоций, как, скажем, Трамп, а в рамках разумного и взвешенного подхода, выработанного десятилетиями.

Нужно отметить и то, что восстановились дипломатические отношения с США. Конечно, американский президент пытался похлопать Рауля по плечу — не получилось. Рауль понимает, что цель США — вернуть отношения в прежнее, дореволюционное русло. Но этого уже не будет. А позитивные изменения налицо. Стали граждане ездить туда-сюда, туризм развивается, торговля началась. Но все эти движения с кубинской стороны очень осторожны и дозированы.

Именно таких подходов и требует нынешняя международная ситуация.

«СЕЙЧАС Я ПОБУДУ, ПОТОМ РАУЛЬ. А ПОТОМ ПРИДУТ НОВЫЕ ЛЮДИ»

— Когда вы с Раулем Кастро начали работать? Как познакомились?

— Ещё в начале 1970-х. Сначала были отдельные поручения, а потом я работал в качестве прикреплённого. В общей сложности мы с ним регулярно общались более 10 лет. Встречались мы не только в нашей стране, но и на Кубе, в Эфиопии и Анголе.

— Он часто приезжал в СССР?

— К нам он приезжал каждый год. Иногда и чаще. Я думаю, что он объездил весь Советский Союз.

— Его интересовали все аспекты нашей жизни?

— Да, от обороны до культуры. Он 50 лет был министром обороны и уже 11 лет фактически исполняет функции главы государства. А в СССР его интересовало практически всё: заводы, колхозы, уровень жизни, пресса.

— Как Рауль к Фиделю относился? Что он вам о нём рассказывал?

— Очень уважительно. Мы много разговаривали с ним и про брата, и про семью вообще. Особенно во время длительной поездки по Краснодарскому краю — времени было много. На охоте мы долго ждали, когда загонят зверя, и Рауль говорил про Фиделя, про его жену, рассказывал, как они встретились, как она потом уехала в Испанию. Говорил о том, кто у них в большой многодетной семье принял революцию, кто не принял. Их старший брат был вместе с Фиделем и Раулем, а другой брат и сёстры всё случившееся в 1959 году не приняли.

Рауль Кастро рассказывал о революции, о судьбе Фиделя, о том, что западные СМИ пишут, что якобы Че Гевара и Сьенфуэгос стали жертвами политической борьбы за власть. Вообще у нас с Раулем Кастро было очень много задушевных бесед. Когда он приезжал в СССР, из-за 9-часовой разницы во времени ночами ему часто не спалось, и он меня приглашал пообщаться. Мы с ним встречались и на Кубе, у меня было шесть командировок туда, и во время моей командировки в Анголу. Так что могу сказать, что с Раулем Кастро у меня в тот период сложились довольно близкие отношения.

— Создаётся такое впечатление, что Фидель и Рауль всецело доверяли друг другу и разногласий между ними не было...

— Доверие было абсолютным, а если они и спорили, то по каким-то тактическим вопросам, и не выносили это в публичную плоскость. Стабильность кубинского строя обусловлена именно тем, что между лидерами, Фиделем и Раулем прежде всего, не было борьбы за власть. Такая борьба погубила многие революционные движения, например в Португалии, в Чили, различные национально-освободительные движения.

“ Рауль Кастро поддерживал отношения с Юрой Чурбановым. Юру посадили, он отсидел своё. А потом Рауль его пригласил и встретил на Кубе.

Даже во время гражданской войны в Испании у республиканцев возникли конфликты в борьбе за власть.

— То есть Рауль прекрасно понимал своё место и знал, что он будет преемником?

— Фидель говорил: «Нам уже сейчас нужно готовить новое поколение власти. Сейчас я побуду, потом Рауль. А потом придут новые люди». Я знаю, что кого-то на Кубе готовят к этому.

— Сейчас Раулю Кастро уже 86 лет...

— Во время нашей поездки по Краснодарскому краю в 1979 году у нас с Раулем зашёл разговор о возрасте государственных лидеров. Он спросил меня, как они (кубинские руководители) выглядят по сравнению с нашими руководителями, и сделал предположение, что как комсомольцы в сравнении с членами партии. Я ответил, что скорее как пионеры. Раулю в то время было 47 лет, а Брежневу — 72. Наверное, в жизни так бывает, что когда мы молодые, то ни о каких болячках не думаем и, естественно, на старость смотрим свысока, не задумываясь, что наступит момент, и преклонный возраст каждого, вне зависимости о занимаемой должности, будет вызывать у молодых аналогичные ощущения. Сегодня Рауль Кастро на 14 лет старше тогдашнего Брежнева...

— Где обычно жил Рауль?

— На Ленинских горах, где расположены правительственные резиденции, построенные ещё при Хрущёве. В седьмом особняке. Поначалу в этих резиденциях жили члены Президиума ЦК Каганович, Булганин, Молотов, Микоян, Ворошилов и другие. Потом они оттуда съехали. Больше всех не хотел уезжать Каганович. После этого представительские особняки поделили на три категории. Одна относилась к нам, к 9-му управлению КГБ, другая — к ЦК КПСС, третья — к Совету Министров. Я сначала не понимал разницы, а потом вошёл в курс дела. В тех, которые принадлежали ЦК КПСС, к нашей работе относились с большим уважением, а вот в совминовских дела обстояли по-другому.

— А правда, что за каждым секретарём «братских компартий» был закреплён свой особняк?

— У людей есть свойство привыкать к месту жительства. Я вот, когда еду на лечение, прошу поселить меня в тот же номер, где я был раньше, хотя он ничем не отличается от других. Вот так же и они. Рауль жил в шестом, Цеденбал — в третьем, Фидель — в пятнадцатом, Хонеккер — в пятом. В те времена это было вполне оправданным. Социалистические страны были нашими

союзниками, хотя и относились к нам по-разному. Но создать для всех их руководителей режим нормальной работы и полноценного отдыха во время визитов в СССР было важной задачей.

ПОД ПРИЦЕЛОМ У ШПИОНА

— Сергей Яковлевич, вы часто рассказывали про то, как охотились с зарубежными гостями. А Рауль Кастро был заядлым охотником?

— Я не сказал бы. Просто выдавалось время для отдыха. Кураторами из ЦК КПСС составлялась программа. Не каждый приезд охота была. Кстати, последняя охота была неподалёку от того места, где мы с вами беседуем: в Барсуках Калужской области. После неё я перешёл в другое подразделение КГБ. Были там кураторы из Минобороны, поскольку это их охотхозяйство. Утром после охоты пошли мы погулять. Он меня спрашивает: «Как результаты охоты?» Я ему отвечаю: «Один лось, пять или семь оленей, кабаны. Всего 15 туш». Он говорит: «Слишком много». Мы пошли, он посмотрел трофеи, а я спросил, что с ними делать. Он говорит: «Разделать туши и выдать мясо всему обслуживающему персоналу, милиции, которая нас сопровождала. Послать мясо маршалу Огаркову, бывшему послу Александру Алексееву, актёру Михаилу Ульянову, руководству «девятки». Так было принято. Брежнев, например, любил посылать кабанятину или лосятину соратникам, которые по каким-то причинам не были с ним в Завидово.

— А каков был порядок охоты? Кто был рядом с первым лицом?

— Обычно только егерь. Даже начальник охраны мог быть рядом, а мог и не быть. В этой связи я вспоминаю охоту, на которой мне пришлось быть рядом с Фиделем. Он убил трёх больших кабанов. Ему надоедали с вопросами, куда их отправить. Он говорит: «С собой на Кубу возьму». Наши восприняли это всерьёз и стали готовиться к отправке. Долго шла эта канитель. Потом всё-таки решили, что по санитарным нормам это невозможно.

— Стреляли Фидель и Рауль хорошо?

— От Фиделя я был на охоте далековато, а вот насчёт Рауля сказать могу точно. Он меткий стрелок. Однажды метрах в ста от нас по просеке перебегает дорожка какой-то зверь, небольшой. Оказалось, что дикая кошка. И он со ста метров без оптического прицела сумел зверя подстрелить. А перед этим он вместе с женой Вильмой Эспин

ЧАЕПИТИЕ В НОЧЬ ПОСЛЕ УСПЕШНОГО ПОЛЁТА ПЕРВОГО КУБИНСКОГО КОСМОНАВТА

пристреливал карабины, которые им выдали. Вильма из карабина без оптики из трёх три попала в десятку. Партизанское прошлое, видимо, сказалось. У Рауля пули ушли чуть ниже, лишь одна попала в цель. Он даже расстроился. Пришлось прицел поправлять. Но во время охоты он себя «реабилитировал».

— Как организовывалась охота для охраняемых и их гостей?

— Охота для высокопоставленных лиц бывает трёх видов. Первая — самая распространённая: с вышки. Зверей в определённом месте прикармливают. И за 40 минут (не позже) надо приехать и подняться на вышку. Затем в определённое время (в 4 или 5 часов) кабаны подходят и нюхают воздух. Убедившись, что никого вроде бы нет, они начинают есть. Тут и начинается отстрел. Егерь показывает, кого не стрелять: свиней нежелательно, обычно кабанов стреляют. Но мясо кабана невкусное, особенно во время гона. Так что и свиней стреляли. Если гостя не устраивал способ или результат охоты, то стреляли «с подхода». Тоже во время кормёжки подводили охотников, и те из укрытия стреляли. А третий — загонная охота. Ты лежишь на маяке, на номере, и на тебя загоняют зверя.

— Это наиболее приближённый к «настоящей» охоте способ, да?

— Да. Но с точки зрения безопасности — самый неудобный для охраны. На загонной охоте в Краснодарском крае случился сразу показавшийся мне странным и опасным инцидент. Рядом с Раулем вдруг появился один из его помощников, Хосе Ренсали. Он работал и с Фиделем, выполнял обязанности помощника и переводчика. Я уже говорил вам, что в процессе загонной охоты с охраняемым должен быть только егерь, иногда прикреплённый. А тут появился ещё один человек, что по правилам безопасности не допускается. Ренсали же буквально навязался идти с нами, да ещё карабин потребовал. Карабин ему дали, но я практически прогнал его с рубежа. Отправил его на безопасное расстояние и развернул так, что он всё время находился у меня под прицелом. А я был между ним и Раулем. Возможно, это нас и спасло.

— Ваши опасения имели под собой реальную основу?

— Тогда сработала интуиция, чутьё профессионала. Только спустя много лет выяснилось, что Хосе Ренсали был завербован американской разведкой. Он и ушёл на Запад через Финляндию...

Та охота была долгой, мы лежали на позиции несколько часов. А олени и лоси, которых гнали на нас, никак не хотели подходить близко. Когда же появился лось на расстоянии 250 метров, Рауль несколько раз выстрелил и говорит: «Наверное, не попал». Прибежали егеря и стали убеждать гостя, что выстрел был именно его. Он смотрит на тушу оленя, убитого прицельным выстрелом, и говорит: «Не я, скорее всего». А потом, обращаясь ко мне, говорит: «Вот ты, комиссар, скажи, кто попал. Как скажешь, так и будет». Я, конечно, сказал, что это был именно его выстрел.

— Он вас комиссаром называл?

— Да, меня комиссаром, а я его — «кама-радо министре», то есть «товарищ министр».

КУБИНЦЫ УМЕЮТ ДРУЖИТЬ

— Вы не раз говорили о своём тёплом отношении к Раулю Кастро. А с его стороны вы чувствовали ответную реакцию?

— Я не знаю ни одного бывшего или действующего лидера дружественных СССР и России стран, который бы так любил Россию и русских. И он на этих позициях остался до сих пор. У нас были болгары, которые клялись нам в любви и хотели войти в СССР, монголы те же самые. В отличие от них, Куба всегда проводила свою, самостоятельную политику. Кубинские лидеры умеют дружить. Они настоящие. И не забывают ничего хорошего.

Рауль Кастро, например, поддерживал отношения с Юрой Чурбановым. Юру посадили, причём всем понятно, что это было политическое решение. Юра отсидел своё. А потом Рауль его пригласил и встретил на Кубе. И это несмотря на то, что отношения с нашей страной были совсем другими...

РАУЛЬ КАСТРО — ПРЕКРАСНЫЙ СТРЕЛОК

Или министр обороны ГДР. Он тоже у себя отсидел в тюрьме. Рауль его также пригласил к себе и принимал как старого друга. И не обращал внимания на раздражение официальных немецких властей... Это вызывает у меня искреннее уважение.

Политическая позиция Фиделя и Рауля, конечно, в какой-то мере была компромиссной, но в отношении обязательств и официальных, и просто дружеских они всегда были безупречны.

У Рауля сложились очень хорошие отношения с Николаем Леоновым, генералом Валерием Стрельниковым из Минобороны, нашим послом Константином Катушевым, Константином Монаховым, представителем КГБ на Кубе. Кто-то из них перешёл на другую работу, кто-то оказался на пенсии. Некоторые наши руководители просто вычёркивают таких людей из жизни, убирают из круга общения. А отношения же Рауля с бывшими чиновниками СССР и России, с теми, кто был ему близок, оставались навсегда.

Я вспоминаю историю с Константином Фёдоровичем Катушевым. В 1977 году он был самым молодым секретарём ЦК КПСС, ему не было ещё и 50. А ещё он много лет был заведующим отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. И, конечно же, регулярно общался с Раулем. И вот он поехал по случаю выборов в свой избирательный округ то ли в Красноярск, то ли в Омск. После выборов было застолье. Он, кстати, вообще из охраняемых лиц был самым молодым. И кто-то на этой вечеринке произнёс тост: «За будущего генерального секретаря!» Кончилось всё тем, что он не успел ещё долететь до Москвы, как пришла весть о том, что его политическая карьера закончена и его переводят на хозяйственную работу, не самым важным заместителем председателя Совмина.

И вот когда его «понижили» (а попасть с должности секретаря ЦК в зампреда Совмина — это понижение), Рауль Кастро решил провести своего товарища. Дача, на которой была запланирована встреча, была очень небольшой. Рауль высказал пожелание, чтобы я сидел за столом с ним и Катушевым. За столом меня всё время убеждали выпить рюмку-другую. Рауль говорит: «Я тебе приказываю. Выпей одну!» Смотрят, я пригубил и поставил. Рауль говорит: «Я тебе сказал: «Одну! Налей фужер и выпей! Вот когда Фиделю врачи запретили курить больше одной сигары в день, он заказал себе сигару сантиметров в 40». Я вам её покажу. И тогда,

РАУЛЬ КАСТРО И ВИЛЬМА ЭСПИН (В ЦЕНТРЕ) НА ОТДЫХЕ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ. 1979

когда я отказался, Катушев сказал: «Да, это чекист школы Андропова». Тогда я первый раз услышал эту фразу. Потом, в 1982 году, Катушева отправили послом на Кубу. У него с кубинским руководством сложились очень хорошие отношения.

— Сергей Яковлевич, вам какими-то приказами было запрещено выпивать с охраняемыми?

— Формально — нет. Но ответственность была слишком большая, чтобы допускать случайности. Хотя в нашей стране и Фидель, и Рауль чувствовали себя в безопасности.

— А сам Рауль какие напитки предпочитал? Ром, наверное?

— Нашу водку, но в небольших количествах. Как-то раз у нас с ним зашёл разговор о том, как на Кубе воспринимают способность русских к употреблению крепких напитков. Сами кубинцы пьют ром, но,

как правило, в коктейлях с добавлением сока или других прохладительных напитков. Предельная норма — около 60 граммов. А наши граждане могли эту норму превысить в 10–15 раз. «Что видел лично, — рассказывал Рауль Кастро, — когда стали появляться советские специалисты на Кубе, то мне доложили, что в аптеках исчез медицинский спирт. Он обычно стоял на полках в ёмкостях, на этикетках которых был изображён известный символ смертельной опасности — череп и две скрещённые кости. Как лекарство спирт, естественно, стоил дёшево, что привлекало советских мужчин-специалистов».

— А супруга Рауля Вильма Эспин — она как воспринимала алкоголь?

— Расскажу такую историю. Однажды после удачной охоты в крымском охотхозяйстве «Сосны», в которой Вильма принимала участие, было по русской традиции устроено застолье. Я знал, что супруга

Рауля крепких напитков не употребляла, да и другие не очень-то жаловала. Делала она исключение лишь для одного вина — абхазского «Лыхны». Я же, зная её вкусы, захватил с собой бутылочку-другую. Вильма улыбнулась, посмотрела на меня, протянула свой бокал. Потом она часто вспоминала тот день. Когда мы сели за стол и ей предлагали что-то выпить, она укоризненно смотрела на меня и отвечала: «Я же не пью, вы знаете, разве что «Лыхны».

— Рауль не приглашал вас к себе в гости?

— У нас были случаи, что иностранные лидеры приглашали к себе в гости тех охранников, которые им понравились. Наши, например, в Венгрию ездили. Меня Рауль приглашал к себе. Но на Кубу нас не пускали. Видимо, перелёт дорогой был. Я ему сказал про это. Он отвечает: «Я собираюсь с председателем КГБ Чебриковым встретиться, поговорю с ним». Встреча прошла конструктивно.

После встречи Рауль увидел меня и говорит: «Сергей, я забыл с Чебриковым поговорить насчёт твоей поездки. Пойдём сейчас обратно». Я еле удержал его, говорю: «Для меня работа с вами — вообще большой подарок». В общем, уговорил не возвращаться.

— А сейчас не хотите слетать?

— Сейчас уже здоровье не позволяет, такой длинный перелёт для меня рискованный. А поездом на Кубу не доберёшься...

— В отличие от Фиделя, у Рауля была более размеренная семейная жизнь...

— Рауль — хороший семьянин. Его супруга Вильма Эспин де Кастро познакомилась с Раулем ещё в те времена, когда они партизанили в горах в 1957 — 1958 годах.

Она принимала активное участие в государственных и партийных делах Кубы вплоть до своей смерти в 2007 году. Приезжала она или вместе с Раулем, или отдельно от него как председатель Федерации кубинских женщин, регулярно общалась с Валентиной Терешковой, вместе с ней посещала школы, больницы, пионерские лагеря, театры, музеи и другие интересовавшие её места.

У Рауля три дочери и сын. Я помню, мы встречали новый, 1983 год. Сын Рауля был юношей горячим и впечатлительным. А поздравить компанию приехали Дед Мороз и Снегурочка. Снегурочка так понравилась сыну Рауля, что он долго вокруг неё ходил. Начиная взрослеть, лет 14 ему тогда было. Просил меня: «Познакомь меня с ней». Он со Снегурочкой тогда даже сфотографировался.

РАУЛЬ КАСТРО И КОСМОНАВТ АЛЕКСЕЙ ЛЕОНОВ НА КОСМОДРОМЕ БАЙКОНУР

— Вы знакомы с действующим главой государства. Какие у него тогда были увлечения?

— Конечно, да. Он был человеком достаточно разносторонним. Бывал во многих местах. Со спортсменами знакомился, с музыкантами, с литераторами. Как-то раз мы ездили в гости к актёру Михаилу Ульянову. Там была интересная история. Мы были втроём: Рауль, Вильма и я. И семья Ульянова. А его зять, который там присутствовал, как выяснилось, писал диссертацию по Кубе. И жена Михаила Ульянова (она играла главную женскую роль в фильме «Небесный тихоход») по-простому стала зондировать почву относительно того, чтобы зять защитился на Кубе. Вообще-то просить второе лицо иностранного государства о такой преференции, тем более когда первый раз в жизни его видишь, не совсем принято. Понятно, что если бы это было организовано, то означало бы автоматическую выдачу диплома кандидата наук. Но Рауль эту просьбу как-то дипломатично обошёл. Просто не сказал ни «да», ни «нет». Это произвело на меня хорошее впечатление.

КАК МЫ «СЛЕДИЛИ» ЗА КОСМОНАВТОМ ЛЕОНОВЫМ

— Сергей Яковлевич, а Рауль часто общался с космонавтами?

— Конечно, у него это была часть программы. В те времена людей, побывавших в космосе, было ещё не так много и на них смотрели как на национальных героев, обладавших сверхспособностями. Во многом, конечно, это так и было. Сейчас мы знаем, что отнюдь не всегда шансы вернуться с орбиты были велики. Я помню, какие чувства мы испытывали после полёта Юрия Гагарина. Этого словами не выразишь! Примерно так воспринимался кубинцами полёт первого кубинского космонавта Арнальдо Тамайо Мендеса. В 1980 году я присутствовал на Байконуре вместе с кубинской делегацией, которую возглавлял Рауль Кастро. Естественно, я видел, с каким эмоциональным подъёмом кубинские гости воспринимали событие. И, конечно, они захотели немедленно его отпраздновать.

Хозяйственники всего мира — люди «материально ответственные» — не просто скрупулёзно считающие бюджет чиновники, но и настоящие скряги. Не были исключением и сотрудники КГБ, работавшие в нашем отделе обеспечения. Из представленного мной списка необходимых продуктов и напитков (на всю делегацию в 30 человек) они оставили бутылку водки, бутылку коньяка, батон колбасы и ящик «Боржоми». При этом комментировали это словами о том, что нужно «беречь народное достояние», и интересовались: «Ты что, едешь туда пьянку устраивать?»

— И как вы вышли из положения?

— Просто купил на свои деньги необходимый запас. И правильно сделал, потому что после запуска Рауль подошёл ко мне и сказал: «Делай что хочешь, но должно быть кое-что на столе». Случился обычный разрыв между реальным и желаемым. На Байконуре-то формально был сухой закон. Торжественный банкет по поводу полёта первого кубинского космонавта должен был состояться на следующий день, а кубинцы хотели отметить его немедленно. Мне удалось всё организовать без, как говорят сегодня, «репутационного ущерба».

— А что было на следующий день?

— Всё по полной программе. С выступлениями главнокомандующих войск маршала Толубко, секретаря ЦК Компартии Казахстана Нурсултана Назарбаева, Рауля Кастро, космонавтов. Кстати, рядом со мной сидели все самые известные покорители космоса: Алексей Леонов, Георгий Береговой, Хрунов и другие. Приятно было находиться в компании этих тогда ещё молодых и весёлых ребят с хорошим чувством юмора, без которого в космосе было бы трудно. Особенно отличался своими шутками и остротами Алексей Леонов.

РАУЛЬ КАСТРО, ВИЛЬМА ЭСПИН И СЕРГЕЙ ГОЛОСОВ В ГОСТЯХ У ЗАСЛУЖЕННОГО АРТИСТА СССР МИХАИЛА УЛЬЯНОВА

ПРОЩАНИЕ РАУЛЯ КАСТРО С СЕРГЕЕМ ГОЛОСОВЫМ. ЯНВАРЬ 1983

— Известно, что он вообще человек широкой души, общительный и весёлый...

— Тогда на Байконуре он не знал, что у меня на него есть своего рода «компромат». За месяц до описываемых событий мы с коллегами после очередного дежурства решили сделать вылазку на природу, позагорать, искупаться, сыграть в преферанс. Выбрали местом нашего отдыха Медвежьи озёра, находящиеся неподалёку от Звёздного городка, где в то время проживали почти все наши космонавты. Вдруг в полусотне метров от нас останавливается чёрная «Волга», из которой выходит мужчина в генеральской форме и с ним две молодые девушки. Мы особого внимания на них не обращали, но через некоторое время одна из молодых особ направилась к нам и попросила у нас стаканы, «чтобы разлить шампанское». Стаканы мы, конечно, выделили, а посмотрев в сторону статного генерала, узнали в нём Алексея Леонова. Минут через 20 девушки вернули нам посуду и угостили нашу компанию конфетами. На этом, собственно, сюжет и закончился, хотя мне пришлось его вспомнить во время встречи на Байконуре.

Когда банкет подходил к концу и Рауль Кастро встал, мы тоже начали подниматься. Я по привычке поправил пистолет, висевший у меня на поясе. Это заметил Алексей Леонов. И тут же ехидно сказал: «Что, комплектность проверяешь?» И тут я ему говорю: «У меня, в отличие от некоторых, с комплектностью всё в порядке». «Ты что имеешь в виду?» — спросил космонавт. Я отвечаю: «Как это что? Кто месяц назад на Медвежьих озёрах просил стаканы, чтобы разлить шампанское?» Леонов остался стоять с открытым ртом, но через некоторое время пришёл в себя и говорит: «Ну, обложили! Со всех сторон, как медведя на охоте». Конечно, он подумал не о случайной встрече, а о контрольном мероприятии. Я не стал его разочаровывать в отношении бдительности отечественных спецслужб...

В январе 1983 года мы провожали Рауля Кастро в аэропорту Внуково. Это были последние дни моей работы в «девятке», поскольку уже было решение о моём переводе в другое подразделение КГБ СССР, занимавшееся разведкой. Рауль обнял меня на прощание, сказал тёплые слова. Больше мы с ним лично не виделись, но я до сих пор сохраняю к нему искреннее чувство признательности за прекрасное общение и уважение как к человеку и политику мирового масштаба. ■

Беседовал Алексей Богомолов
Фото из архива Сергея Голосова

Лоуренс Аравийский

Жизнеописание сэра Томаса, шпиона, джентльмена, романтика и циника

Леонид КОЛОСОВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Маркиза Маргерит д'Анджурэн считала себя самой красивой женщиной в Каире. Возможно, она была и права. Высокая, стройная, с короной золотистых волос и многообещающим взором загадочных карих глаз, она неизменно привлекала внимание разновозрастных представителей сильного пола. «Если хотите лицезреть маркизу, — зло шутил глава Арабского бюро британской военной миссии в Каире генерал Клейтон, — ищите наибольшее скопление самцов, она обязательно будет в центре».

Однако в тот душный вечер генералу, устроившему дипломатический раут в одной из шикарных гостиниц города, было не до шуток. Только что вспыхнувшая мировая война сделала англичан и французов союзниками, respectable союзниками в том, что касается европейского театра военных действий. Но здесь, на Ближнем Востоке, британской короне союзники не нужны. Британской короне необходимы колонии, и ими она не хочет делиться ни с кем, в том числе и с французами. Поэтому беззаботными выглядели на том душном приеме только женщины. Впрочем, тоже не все...

Маркиза Маргерит д'Анджурэн, вызывавшая всеобщее вожделение «рыцарей» не только своей красотой и шармом, но и весьма легкомысленным отношением к святости брака, была в тот вечер чем-то сильно озабочена. На прием она пришла без мужа. Маркиз Пьер д'Анджурэн, преподнесший своей молодой жене не только благородный титул, но и весьма приличное состояние, давно уже махнул рукой на ее любовные шалости. Значительная разница в возрасте все больше и больше трансформировала его чувства к Маргерит в отцовские. Война застала супружескую пару в Египте, и маркиз не очень торопился возвращаться в родные пенаты. Маркиза тоже не торопилась в Париж, поскольку богатая коллекция ее поклонников пополнилась еще одним экспонатом, на сей раз молодым, стройным и высоким английским офицером. А Маргерит страшно любила высоких мужчин...

БЕЛОКУРЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Он стоял в углу зала, держа в руке фужер с сельтерской водой, в котором позвякивали кусочки льда. Белокурые волосы над высоким лбом, голубые глаза, сухощавое выбритое лицо. И голос. Маргерит уже решила для себя, что не будет сопротивляться этому обворожительному мужчине. Выждав, когда от маркизы отлетит рой воздыхателей, он подошел к ней со скупачным выражением на лице и, тихо шепнув: «Я жду вас в номере на втором этаже», — незаметно выскользнул из зала. Это было самое странное свидание в богатой любовными авантюрами жизни Маргерит. Офицер не целовал рук, не стоял на коленях, не пытался увлечь красавицу на необъятное ложе под балдахином из тончайшего шелка, оказаться под которым она была уже внутренне готова... И не говорил страстных слов. Он вежливо попросил ее присесть около туалетного столика, заняв кресло напротив. И сказал очень просто, как будто бы они были знакомы много-много лет и уже неоднократно беседовали на эту тему:

— Моя дорогая маркиза, помогите, ради Бога, Британии.

— Я?! Но каким образом, сэр?

— Нам крайне необходимо, чтобы вы познакомились с Саид Пашой и стали бы по возможности его интимным другом.

— А как я с ним познакомлюсь?

— Инструкции вы получите от генерала Клейтона. Он примет вас завтра. Ну как, согласны?

Нет, маркиза действительно не могла устоять перед странной гипнотизирующей обворожительностью его голоса и... согласилась. Через некоторое время Маргерит д'Анджурэн стала любовницей одного из влиятельнейших вождей арабских племен и начала более или менее регулярно поставлять британской секретной службе нужную секретную информацию.

Военный разведчик Лоуренс получил из Лондона благодарность за очередную вербовку ценного агента. Она была одной из наиболее трудных для него, эта вербовка. Дело в том, что Лоуренс очень не любил женщин. Патологически и физиологически, не любил их всю жизнь.

В нашумевшем английском фильме «Лоуренс Аравийский», который обошел все мировые экраны, есть эпизод, где героя, попавшего в турецкую тюрьму, насилует турок-надзиратель. Это печальное событие, по мысли авторов киноленты, и сделало Лоуренса гомосексуалистом. Однако его биографы склонны утверждать, что сей

порок был врожденным и особенно сильно проявился во время учебы в Оксфорде. Впрочем, это ведь не самое главное в нашем повествовании... Впервые о Лоуренсе я услышал в 1960 году, когда, будучи мобилизованным в органы государственной безопасности как специалист по Италии (защитивший, кстати, кандидатскую диссертацию по экономике этой прекрасной страны), проходил годичный специальный курс в разведшколе №101, «в лесу», как мы ее между собой называли. В кратком обзоре истории мирового шпионажа, который читал нам какой-то «профессор» из КГБ, был упомянут и сэр Томас Эдвард Лоуренс, «шпион и лазутчик, слуга британского империализма на Среднем Востоке». Раскрыв в нескольких абзацах «коварные интриги против прогрессивного арабского народа нечистоплотного интригана из Интеллидженс сервис», наш профессор заключил свой пассаж о полковнике британской разведки неожиданной фразой: «К тому же он был педерастом... Если кто хочет познакомиться с ним поближе, в школьной спецбиблиотеке есть две книжки: «Полковник Лоуренс», автор Лиддл Гарт, и мемуары самого Лоуренса «Восстание в пустыне». Но это сплошное вранье и апологетика...»

Прочитав я вздохнул эту апологетику и даже выписал в тайный блокнот фразу, которую Лоуренс сказал о себе в мемуарах: «Я, в общем-то, похож на ловкого пешехода, который увертывается от автомобилей, бегущих по главной улице с двусторонним движением». Лоуренс был, конечно же, абсолютно неординарным и вне всяких сомнений талантливым военным разведчиком своей эпохи. Мы тщетно будем искать в биографии этого человека какие-то сверхчеловеческие черты характера, сделавшие его «супершпионом». Отметим лишь сильно выраженное честолюбие, врожденную склонность к авантюризму, удивительное упорство в достижении поставленной цели и редкую способность к изучению иностранных языков. Отметим, чтобы лучше понять калейдоскоп жизненных передраг, через которые прошел Лоуренс. В отличие от многих своих коллег по профессии, он был равнодушен не только к женщинам, но и к деньгам. А так, в общем-то, нормальный человек с обычной биографией.

НАЧАЛО ПУТИ

Томас Эдвард Лоуренс родился 15 августа 1888 года в Северном Уэльсе, в довольно бедной семье, которая после длительных скитаний по Шотландии и Британии осела в Оксфорде. Здесь Эдвард начал учиться. «Школа, — напишет он впоследствии в сво-

их мемуарах, — была бесполезным и отнимающим много времени занятием, которое я ненавидел всеми фибрами моей души». Времени действительно не хватало. Не хватало для чтения книг о крестовых походах и археологических находках. Мальчишеская увлеченность историей древних и средних веков переросла позже в серьезное увлечение археологией. Уже будучи в университете, Лоуренс написал дипломную работу «Влияние крестовых походов на средневековую военную архитектуру Европы», получившую первую премию. Высокая оценка работы Оксфордом была отнюдь не случайной. Прежде чем отдать работу на профессорский суд, Томас побывал в Сирии, где изучил практически все известные развалины замков крестоносцев.

«Моя бедность, — вспоминал Лоуренс, — позволила мне изучить те слои людей, от которых богатый путешественник отрезан своими деньгами и спутниками. Я окунаясь в самую гущу масс, воспользовавшись проявлением ко мне их симпатий... Арабы говорили мне, что ни один человек, несмотря на его достоинства, не смог бы быть их вождем, если бы он не ел такой же пищи, как и они, не носил бы их одежды и не жил бы одинаковой с ними жизнью».

Культуру древних и жизнь современных арабов Лоуренс изучал не один. Им руководил известный археолог профессор Хоггарт, сыгравший не последнюю роль в резком повороте судьбы подававшего большие надежды молодого историка. Дело в том, что Хоггарт был профессором не только в археологии, но и в шпионаже, которым занимался долгие годы, работая на британскую секретную службу. Готовясь к Первой мировой войне, Англия постоянно держала на границе Турции с Египетом ту или иную «экспедицию», которую неизменно возглавлял профессор. Лоуренс проработал бок о бок с ним с 1910 по 1914 год, неоднократно выезжал по его заданиям в Сирию и Палестину для сбора необходимых английской разведслужбе сведений и установления перспективных контактов. Начав карьеру в географическом отделе военного министерства, Лоуренс был переведен затем в филиал Интеллидженс сервис, постоянно действующий в Каире под названием Арабское бюро, возглавлявшийся уже упоминавшимся нами генералом Клейтоном, которое с началом Первой мировой войны превратилось в координационный центр британской разведки на Арабском Востоке.

Английскими и не английскими историками написана не одна сотня страниц, посвященных тому, как Лоуренс — «друг» арабов — стал незаменным человеком при свите саудовского короля Хуссейна, а затем «вторым я» одного из его сыновей — Фейсала, под властью которого находились многие племена. Как удачно и вовремя брошенный призыв к объединению арабов для борьбы с Турцией, воевавшей в союзе с Германией против стран Антанты, позволил Фейсалу—Лоуренсу, этому беспрецедентному дуэту, поднять восстание среди местного населения, сплотить его воедино и создать в исполнение боеготовую армию, состоящую из диверсионных отрядов, которая доставляла много неприятностей и беспокойств регулярным турецким войскам. До самых последних дней войны полковник Лоуренс находился при армии Фейсала в должности военного советника и офицера связи арабского фронта со ставкой английского командования на Среднем Востоке.

ШПИОН И ЛАЗУТЧИК

Итак, «друг» арабов... А почему бы нет? Хороший актер отличается от плохого тем, что он искренне верит в то, что играет в данный момент. Лоуренс был очень хорошим актером.

«Только в лоне Арабского бюро Лоуренс смог до конца раскрыть свой талант интригана. Он был по-лисий хитер, дьявольски ловок, не считался ни с кем и плевал на начальство, чем восстановил против себя почти весь британский генеральный штаб. Лишь небольшая группа экспертов ценила его феноменальные энциклопедические знания и не превзойденное никем умение вести дела с арабами. Лоуренс знал, что у него имеются влиятельные друзья в Лондоне. Поэтому он не стеснялся гнал от себя тех, которые мешали или просто не нравились ему. Самоуверенный и дерзкий, мечтательный и надменный, Лоуренс в двадцать лет стал офицером филиала Интеллидженс сервис в Каире, лучше всех изучил арабов и имел наиболее разветвленную и хорошо организованную агентурную сеть на территориях, занятых турками. Замкнутый, тщеславный, обожающий преклонение перед собой, он был хладнокровен и отважен перед лицом опасности и авантюристичен до предела. Лоуренс превратился в настоящего кочевника, носил одежду бедуинов, прекрасно ездил на верблюдах, был неприхотлив в еде, аскетичен, абсолютно равнодушен к женщинам и превратился в конце концов в руководителя арабских повстанческих отрядов, которые весьма эффективно боролись против турок...»

Так написано о полковнике Лоуренсе в материалах итальянского института «Агостини», занимавшегося исследованием архивных документов многих секретных служб времен первой и второй мировых войн и выступившего уникальным пяти-томник «История шпионажа». В нем немало страниц посвящено «Лоуренсу Аравийскому». Вот, например, свидетельство майора Стерлинга, одного из офицеров связи со штабом британских войск. «Прибыв в Абу-Эль-Лиссал, я нашел Лоуренса, только что возвратившегося из успешного набега на железную дорогу, в его палатке, сидящим на великолепном персидском ковре, режисированном из какого-то турецкого поезда. Он был одет как обычно, в белые одеяния с золотым кинжалом Мекки за поясом. Снаружи находились несколько арабов из его охраны, занятых чисткой винтовок... Охрана была весьма необходимой предосторожностью для полковника, так как его голова была оценена в 20 тысяч фунтов стерлингов. Но в данном случае любой человек из охраны Лоуренса с восторгом отдал бы за него жизнь... Что же позволяло ему властвовать и держать в своем подчинении арабов? Лоуренс выглядел как ярый сторонник освободительного движения арабов. Они понимали, что он вносил живительную струю в их дело, что он стоял наравне с шейхами или потомками пророка, что эмир Фейсал обходился с ним как со своим братом, как с равным...»

Так ли это? В уже упоминавшейся нами «Истории шпионажа» ставится под сомнение утверждение самого Лоуренса о том, что поднятое им восстание было «средством осуществления великой задачи создания арабского государства». Скорее всего, утверждается в исследовании, это движение явилось средством для превращения арабских земель в британские колонии, что, собственно говоря, и удалось сделать после окончания первой мировой войны, используя мандаты Лиги Наций.

На совещании союзников Антанты в итальянском курортном городке Сан-Ремо, а оно состоялось в апреле 1920 года, мандаты были окончательно распределены. Под давлением Франции Англия вывела свои войска из Сирии, и французы заняли Дамаск, куда в сентябре 1918 года с небольшим отрядом арабов на верблюдах первым вошел Лоуренс, воспользовавшись отступлением турок. Лучший «друг» англичан Фейсал, свергнутый с трона Сирии, осыпал проклятиями своего вероломного «брата» полковника Лоуренса. Но при чем тут полковник, спросите вы. Действительно, при чем? Как военный разведчик, Лоуренс блестяще, с любой точки зрения, выполнил возложенную на него задачу и занялся другими делами. Правда, будет еще одна версия. Некоторые исследователи считают, что Лоуренс, будучи глубоко оскорбленным хамским обращением со своими арабскими друзьями, разругался вдрызг с Интеллидженс сервис и удалился от практических дел. Но это всего лишь версия...

РИМСКОЕ ЗНАКОМСТВО

Февраль 1964 года. Я в Риме, работаю «под крышей» или, более элегантно, «прикрытием» собственного корреспондента «Известий» в Италии. Раздается телефонный звонок.

— С вами говорит генерал Карбони...

— Здравствуйтесь, синьор генерал... Чем могу служить?

— Я написал статью о проблемах мирного сосуществования и необходимости запрещения ядерного оружия, которую хотел бы опубликовать в «Известиях». Вас не затруднит принять меня в вашем корпункте минут через тридцать?..

Генерал оказался высоким худым стариком, не потерявшим военной выправки.

— Меня зовут Джакомо Карбони. Может быть, слышали? Я начинал свою карьеру при Бенито Муссолини, начальником СИМ, а проще говоря, военной разведки...

Челюсть моя непроизвольно упала, как стрелка барометра перед бурей. Генерал между тем положил мне на стол аккуратенькую папочку со статьей о проблемах мирного сосуществования...

Итак, Джакомо Карбони. Выходец из богатой семьи, избравший военную карьеру. Быстро шагнул по лестнице должностей и званий, опережая многих своих сослуживцев. В начале 1930-х годов Карбони занял пост начальника военной разведки Италии. В этом качестве он в 1939 году отправляется в Берлин, имея личные и «деликатные» поручения Муссолини выяснить через конфиденциальные источники «соответствие» планов Гитлера по завоеванию мирового господства с реальными возможностями Германии». В строго секретном докладе, представленном дуче, генерал сделал весьма пессимистические выводы в отношении перспектив победы германского оружия в мировом масштабе и в осторожной форме посоветовал Муссолини не впутываться в совместную глобальную авантюру. «Неверие» Карбони пришлось не по душе дуче, и генерала сняли с поста начальника разведки, хотя и оставили в секретной службе... А в сентябре 1943 года Карбони сыграл не последнюю роль в освобождении Рима от гитлеровцев. Сам он сказал об этом так: «Когда в те трагические сентябрьские дни 1943-го я понял, что генерал Кессельринг собирается штурмом взять Рим и нет реальной силы противостоять немцам, я отдал распоряжение открыть римские арсеналы и раздать оружие гарibaldiйским отрядам Сопротивления, которые в конечном итоге и спасли Вечный город от тотального разрушения. Правда, за это некоторые до сих пор считают меня предателем...»

Расставаясь, Карбони задал мне неожиданный вопрос: «Кого вы считаете, мой юный друг, самым выдающимся разведчиком в мире?» «Мата Хари», — выпалил я под влиянием недавно увиденного старого боевика о супершпионке времен первой мировой войны. Генерал саркастически улыбнулся: «Заблуждайтесь, мой друг, Мата Хари была всего лишь авантюристкой и потаскушкой, получала липовую информацию. А гением шпионажа всех времен и народов был и остается англичанин сэр Лоуренс, его мечтали иметь в своих сетях многие разведывательные службы...» При следующей встрече генерал рассказал довольно любопытные подробности о главном герое нашего повествования.

Дело в том, что деятельностью «Лоуренса Аравийского» на Ближнем Востоке интересовалась немецкая и итальянская секретные службы. И в одной, и в другой на него были заведены подробные досье. Генерал Карбони имел оное в своем личном сейфе и поддерживал соответствующий обмен агентурной информацией с немецкими коллегами. «По «линии» Лоуренса, — особо отметил Карбони, — оперативную разработку вел бывший германский консул в Персии Вассмус, которому, кстати, покровительствовал кайзер Вильгельм II. Именно по его распоряжению Вассмус стал главным агентом германской секретной службы, руководителем военного и политического шпионажа по всему Персидскому заливу. Также как и Лоуренс, проникавший в арабские племена, Вассмус будоражил персидские, чтобы мешать продвижению британских войск. Мы знали, что Вассмус охотился за Лоуренсом, мы знали, что они даже встречались на предмет секретных переговоров,

но кто из них вышел победителем из этой дуэли — неизвестно. Впрочем, последний период жизни Лоуренса был вообще весьма загадочен... Что же касается Вассмуса, то он после окончания Первой мировой войны вернулся в Берлин, работал в министерстве иностранных дел и в начале 1915 года был вновь отправлен в Персию, чтобы продолжать тайную борьбу против англичан. Однако его миссия закончилась полным провалом, он был отозван в Берлин, где и умер в 1932 году».

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ

Ну а Лоуренс? В 1921 году Уинстон Черчилль, возглавивший министерство по делам колоний, предложил ему пост политического советника в новом управлении по делам Среднего Востока. Когда встал вопрос о денежном содержании, Лоуренс запросил тысячу фунтов в год. Черчилль, заметив, что это была самая скромная просьба, с какой к нему когда-либо обращались, назначил новому советнику зарплату в сумме 1600 фунтов. На конференции в Каире в марте 1921 года Лоуренсу удалось убедить Черчилля в том, чтобы посадить на трон Ирака, подпавшего под мандат Англии, изгнанного из Сирии Фейсала. Таким образом, полковник оплатил свой старый долг бывшему «брату». Лоуренс всегда платил долги. Понятие о чести было у него достаточно высоким. Возможно, это был его последний крупный долг, который бередил душу британского разведчика. Как только Фейсал занял трон, полковник Лоуренс подал в отставку и, несмотря на уговоры Черчилля, оставил министерство по делам колоний.

А в августе 1922 года он неожиданно идет рядовым в британский воздушный флот под фамилией Росса. Полковник объяснил свой поступок следующим образом: «Каждый англичанин должен или сам поступить в авиацию, или помогать ее развитию». Правда, имеются сведения о том, что британская разведка попыталась внедрить Лоуренса под вымышленным именем в авиацию для его дальнейшего использования по специальности. Однако Лоуренс не смог сохранить свое инкогнито. Один из офицеров подразделения, где служил новоиспеченный авиатор, кстати, старый недруг Лоуренса, раскрыл его истинное имя на страницах одной бульварной газетки. Разразился скандал, и рядовой авиации, он же полковник Интеллидженс сервис, исчез. На время, естественно, ибо примерно через год в поселке Мирам-шах на границе между Индией и Афганистаном в английском авиационном подразделении появляется бортмеханик Шоу, который, знакомясь с индусами, представляется весьма церемонно: Пир-Карам-шах...

Это опять наш неутомимый герой занялся своим любимым делом. На афганском троне сидит эмир Аманулла, который очень не любит англичан. А они — его, естественно, за стремление проводить антиколониальную политику. Нужно найти альтернати-

ву Аманулле, и Лоуренс — Пир-Карам-шах — его отыскивает среди самых жестоких предводителей басмачей. Это Бачайи Сакао. Лоуренс обладал удивительным талантом делать из любых нужных людей своих верных друзей. Он сулит Сакао трон эмира. Что необходимо для этого предпринять? Немного. Выполнить все пункты инструкции, которая разработана «братом» Пир-Карам-шахом. Вот она: «Что надо в первую очередь сделать? Развернуть среди населения агитацию против реформ Амануллы. Идеи, которые могут вызвать недовольство людей, состоят в следующем. Во-первых, Аманулла отвергает ношение чалмы, которая узаконена пророком. Он хочет, чтобы все носили шляпы. Во-вторых, Аманулла отвергает исламские одежды, которые носили предки афганцев. Он отдал распоряжение всем женщинам снять чадру. В-третьих, он повелел женщинам и девушкам ходить в школы. Он решил, что мужчинам необязательно носить усы и бороду. В-четвертых, он усматривает добро в пренебрежении к религии. Аманулла отправляет наших жен за границу учиться хорошим манерам, что противоречит установленным традициям предков. В-пятых, он хочет, чтобы мы все лечились у врачей. А также, он уничтожил лунное исчисление...»

Бачайи Сакао воспринял этот инструктаж как приказ действовать. Через неделю другую пламя ненависти к Аманулле, как при хорошем ветре, уже перекидывалось от кишлака к кишлаку. Начались бунты, выступления с оружием в руках против правительства. В феврале 1929 года Бачайи Сакао захватил Кабул и провозгласил себя эмиром Афганистана. Действуя по совету Пир-Карам-шаха, новый эмир, кстати, развернул бурную деятельность против Советской Республики. Около двух десятков тысяч басмачей, находившихся в северных районах Афганистана, приступили к вооруженным нападениям на советские среднеазиатские республики. И вот тут-то трон Бачайи Сакао закачался. И Лоуренс понял, что пора уходить. И был прав, ибо в октябре 1929 года новоиспеченного эмира сбросили с трона, а затем казнили...

В Лондоне, куда вернулся полковник Лоуренс, о нем вспомнили, когда вышла книга его мемуаров «Семь столпов мудрости». Интересная книга. Я читал ее в итальянском переводе, ибо презентовал мне ее генерал Карбони. Кстати, он рассказал мне и о смерти Лоуренса. Это случилось 19 мая 1935 года на одной из провинциальных дорог неподалеку от Лондона. Никто не видел, как произошла авария мотоцикла, на котором мчался сэр Томас Эдвард Лоуренс, 47 лет... Свидетели подросли, когда мотоциклист был уже в коме, а его «железный конь», буквально развалившийся на части, валялся в кювете. Генерал Карбони прервал на минуту свое повествование, сделал многозначительную паузу...

— Ты знаешь, мой молодой друг, зачем поехал Лоуренс из пригорода, где обитал, в Лондон? Он поехал на центральную почту, чтобы послать закодированную телеграмму в Берлин. Лоуренс давал свое согласие на личную встречу с Гитлером. Тот, как нам стало известно, предложил ему пост шефа диверсионного отдела абвера. Как видишь, те его контакты с Вассмусом, о которых я тебе рассказывал, не прошли даром. Бывший британский разведчик не захотел спокойной жизни, тем более что он стал еще к тому же лучшим другом фюрера английских фашистов Освальда Мосли. Оба они, между прочим, были врожденными авантюристами. Добавлю, что мотоцикл Лоуренса развалился на обратном пути из Лондона, когда телеграмма о согласии на встречу была уже отправлена, а ее следы остались в личном деле Лоуренса, хранившемся в нашем архиве. Ты спрашиваешь, почему «развалился» мотоцикл? Не знаю. Может быть, потому, что кому-то не захотелось, чтобы состоялась встреча между Лоуренсом и Адольфом Гитлером...

Сэр Лоуренс был похоронен в лондонском соборе св. Павла среди британских военных героев и артистических знаменитостей. Это было делом нелегким, ибо некоторые знаменитости через своих живущих на этом свете потомков запротестовали, не желая, чтобы среди них лежал мужчина с гомосексуальными отклонениями. Потребовалось личное вмешательство сэра Уинстона Черчилля, авторитет которого был и тогда очень велик. ■

ЭДВАРД ЛОУРЕНС. 1917 Г

Ошибка «Короля шпионов»

Осенью 1921 года среди русских эмигрантов на Западе начали распространяться слухи о крупной антисоветской организации, якобы действующей в РСФСР. На эту чекистскую провокацию поддались видные русские политики-эмигранты и зарубежные разведки. В августе 1924 года был арестован приехавший в Россию по делам «Треста» Борис Савинков (в мае 1925 года он якобы покончил с собой в здании ВЧК). Теперь главной задачей чекистов стало заманить в СССР СИДНЕЯ РЕЙЛИ – известного британского шпиона, также клюнувшего на информацию об антисоветском подполье. Журналист Владимир Абаринов на основании изданной фундаментальной биографии Рейли, принадлежащей перу профессора университета штата Айдахо Ричарда Спенса, и других исторических трудов воссоздает историю знаменитой спецоперации.

*Не там, где летит эскадрон,
Не там, где ряды штыков,
Не там, где снарядов стон
Пролетает над цепью стрелков,
Не там, где раны страшны,
Где нации смерти ждут,
В честной игре войны,
Место шпиона не тут.*

Редьярд Киплинг. Марш шпионов
Перевод Ады Оношквич-Яцны

В летопись подвигов всех чекистов первого призыва операция «Трест» вписана золотыми буквами как несомненный и сокрушительный успех советской контрразведки. Однако неясного в этой, казалось бы, много раз рассказанной истории по-прежнему хватает. Ведь Дзержинский и его коллеги имели дело не с дилетантами — как же им удавалось годами морочить голову очень осторожному и изощренному противнику, выдавая «легендированный» «Трест» за реальное антибольшевистское подполье? Да и в чем успех, спросим мы: в том, что они «заманили» в ловушку сначала Бориса Савинкова, а потом Сиднея Рейли только затем, чтобы убить (первый, по официальной лубянской версии, покончил самоубийством, но и эта версия не спорит с тем, что причиной рокового прыжка в окно стало вынужденное «раскаяние»)? Но ведь убить их можно было и за границей. Какой прок извлекли драматурги и режиссеры этого спектакля из казни Рейли, который, останься он в живых, мог способствовать выходу Советской России из международной изоляции?

БОЛЬШАЯ ИГРА

Специалист по истории русской революции профессор университета штата Айдахо Ричард Спенс, автор биографии Бориса Савинкова, в 2002 году опубликовал новую биографию Сиднея Рейли, описав жизнь «аса шпионажа» едва ли не по часам. Книга называется Trust No One — «Не верь никому». Так доктор Спенс перевел латинский девиз, который Рейли поместил на своей именной почтовой бумаге: Mundo nulla fides.

К концу Первой мировой войны Сидней Рейли был преуспевающим бизнесменом. Ему удалось удачно конвертировать свой главный капитал — деловые связи в Европе и Америке. Он был вхож в кабинеты министров и глав правительств; еще с довоенных времен сохранил прекрасные отношения с русским бизнесом, к тому же бегло говорил на нескольких языках. Все это делало его незаменимым посредником при заключении многосторонних международных сделок. Он занимался пароходным фрахтом и фармацевтикой, нефтедобычей и табаком; значился в его длинном послужном списке и оружейные контракты.

СИДНЕЙ РЕЙЛИ: ЧЕЛОВЕК-МИФ

В качестве места своего рождения Сидней Рейли указывал либо ирландский Клонмел, что на острове Эмеральд, либо Одессу, но ни то, ни другое не находит подтверждения в документах. Согласно новейшим изысканиям Ричарда Спенса, будущий ас шпионажа родился в 1874 году на юго-западе Польши, в городе Бендзин. Он был третьим ребенком в семье успешного предпринимателя Герша Розенблюма. Мальчика нарекли Соломоном, а в обиходе все знакомые называли его Зигмундом.

Есть некоторые основания считать, что Соломон был плодом внебрачной связи своей матери. Сам Рейли впоследствии утверждал, что он сын графа Валуевского и, таким образом, потомок своего кумира Наполеона. Но, всего вероятнее, мать Соломона изменила мужу с его братом. Будучи 16 лет от роду, Соломон объявил родителям, что влюблен в кузину и намерен жениться на ней. Мать и дядя были вынуждены рассказать жениху и невесте, что на самом деле они родные брат и сестра. Признание имело следствием распад семьи; мать с незаконнорожденным сыном и дочерью переехала к своим родителям в Одессу. Здесь Соломон закончил гимназию

и, по его словам, проучился два семестра на физико-математическом факультете Новороссийского университета. В начале 1893 года Соломон Розенблюм стал членом подпольного марксистского кружка. Есть версия, что он был исключен из университета за участие в подрывной организации, а возможно, вовремя скрылся за границу, дабы избежать более серьезных последствий. Не лишена оснований и другая гипотеза — о том, что Соломон, оказавшись в руках полиции, обратился в тайного осведомителя охраны.

На Британских островах Соломон-Зигмунд Розенблюм оказался в конце 1895 года. В Сиднея Рейли он превратился в 1899-м. Сведения о его многочисленных женах лишены оснований. Он был женат не более пяти раз, причем, женившись в 1923 году на актрисе Пепите Чамберс, стал двоеженцем, так как его брак с Надин Рейли (в первом браке — Надеждой Петровной Залесской) не был расторгнут. Правда, однако, то, что он имел многочисленные внебрачные связи; все его женщины отличались исключительной ему преданностью.

В 1900 году Рейли вернулся в Россию в качестве английского предпринимателя. В 1902–1904 гг. занимался бизнесом в Порт-Артуре и, по мнению некоторых авторов, добыл для японцев карту укреплений города, чем способствовал его захвату. В годы Первой мировой войны Рейли занимался поставками России американского оружия и подолгу жил в Петрограде, вращаясь в самых высоких сферах. В романе Андрея Белого «Москва», судя по всему, именно Рейли выведен под именем Эдуарда фон Мандро. В апреле 1918 года Рейли снова приехал в Россию. За участие в «заговоре Локкарта», он же «заговор послов», был заочно приговорен к смертной казни. Приговор, вероятнее всего, приведен в исполнение 5 ноября 1925 года.

Был ли он шпионом, да еще нескольких разведок, как гласит расхожее мнение? В период своего пребывания в России в 1918 году он, бесспорно, был сотрудником британской разведки — Secret Intelligence Service, она же MI-6. Впоследствии он время от времени направлял SIS свои доклады, но жалования не получал. Британская разведка относилась к нему с величайшим подозрением, справедливо полагая, что он не столько информирует ее, сколько использует доступ к секретной информации в интересах своего бизнеса. В 1922 году он был формально уволен из разведки. Это не мешало ему поддерживать приватные дружеские отношения с директором SIS Мэнсфилдом Смит-Каммингом, руководителем русского отдела Полом Дьюком и многими другими лицами из шпионского ведомства Его Величества. Неизменным покровителем и личным другом Рейли был Уинстон Черчилль, в то время — военный министр в кабинете Дэвида Ллойд-Джорджа.

Одной из главных проблем мировой политики начала 1920-х годов был русский вопрос. Развалив Восточный фронт и заключив сепаратный мир с Германией, Россия лишила себя права на участие в послевоенном урегулировании в Европе. Объявленный большевиками дефолт по долгам царского и Временного правительств, национализация частной собственности, в том числе иностранной, и ленинский «Декрет о мире без аннексий и контрибуций» оставили Россию с пустыми руками, в положении, которое лучше всего определяется современным термином «государство-изгой». То есть не признанное мировым сообществом, безответственное и пребывающее в глубокой изоляции.

Между тем страна сильно голодала. Ей нужно было как-то подниматься из руин. «Энтузиазм масс», на который уповали Ленин и его соратники, угасал перед лицом нескончаемых испытаний, да и не мог энтузиазм заменить технологии, опыт и деньги. Расчет на «мировую революцию» не оправдывался. Советская Россия отчаянно нуждалась в иностранных инвестициях. Большой международный бизнес равнодушен к идеологии. Он будет иметь дело с любым режимом, если получит страховку от политических рисков. Западные предприниматели, будучи свидетелями и участниками небывалого экономического подъема России первых 13 лет XX века, жаждали вернуться в страну. Они прекрасно понимали, что большевики не в состоянии выплатить долги. Речь шла — в точности как в первые годы России ельцинской — об их реструктуризации в инвестиционные проекты и концессии. Но для этого долги следовало признать.

Бывшие владельцы национализированных компаний сами оказались в тяжелом положении: их никто не освобождал от ответственности, акционеры и кредиторы брали их за горло, требуя все свои деньги назад. Русские промышленники-эмигранты во главе с Алексеем Путило-вым объединились в группу Societe Commerciale, Industrielle et Financiere pour la Russie, известную под русской аббревиатурой «Торгпром». Они стремились не допустить сговора большевиков с западными правительствами за свой счет.

Сидней Рейли был уникальной фигурой в этой большой игре с огромными ставками. Волею судьбы и благодаря своей неисчерпаемой энергии он был знаком решительно со всеми игроками, включая непримиримых оппонентов — лидеров монархических эмигрантских организаций и высокопоставленных большевиков, таких как народный комиссар внешней торговли Леонид Красин, прибывший в 1920 году в Лондон в качестве торгового представителя Советской России.

Из этих ключевых игроков никто всерьез не верил в возможность насильственного свержения большевиков. Иное дело — естественная трансформация режима в результате экономического взаимодействия с Западом. Сегодня концепцией «вовлечения» (engagement) никого не удивишь. Но в начале 1920-х годов это была свежая идея. Некоторые исследователи полагают, что ее автор — не кто иной, как Борис Викторович Савинков, близкий друг Сиднея Рейли, лидер «Народного союза защиты Родины и свободы», знаменитый террорист и заклятый враг большевиков. Пыл Савинкова отнюдь не угас, просто он трезво оценивал положение вещей. Он искал применения своим силам и своей любви к России. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что его методы борьбы меркнут перед «красным террором». Понимали это и в европейских столицах — Савинков уже не мог рассчитывать на финансирование своего Союза в прежнем объеме.

Идею бескровной трансформации советского строя всецело разделял Рейли. В августе 1921 года он написал для британского правительства меморандум, в котором излагал сценарий ненасильственного переворота в России. Он интерпретировал провозглашенную Лениным в марте на X съезде партии «новую экономическую политику» как признание провала прежнего курса. Вместе с тем, писал Рейли, на падение режима большевиков рассчитывать не приходится. Однако нуждающиеся в западной экономической помощи большевики могут пойти на определенную либерализацию режима. Запад должен потребовать упразднения ВЧК; исполнительная власть должна перейти в руки «умеренных» типа Алексея Рыкова

СИДНЕЙ РЕЙЛИ В 1887 И 1918 ГОДУ

и Леонида Красина. Ленину, Троцкому, Зиновьеву, Каменеву и другим сторонникам жесткой линии должно быть «запрещено прямое участие» в управлении страной, однако гарантирован «личный иммунитет». По достижении этих первоначальных целей правительство следует расширить включением в его состав представителей других политических партий. При этом золотовалютные резервы страны должны поступить под контроль международного траст-фонда.

Премьер-министр Ллойд-Джордж прочел меморандум Рейли ровно в тот день, когда он принимал на Даунинг-стрит, 10 советского торговца Красина и обсуждал с ним проблему русского долга.

КТО ВЫ, МИСТЕР ЯКУШЕВ?

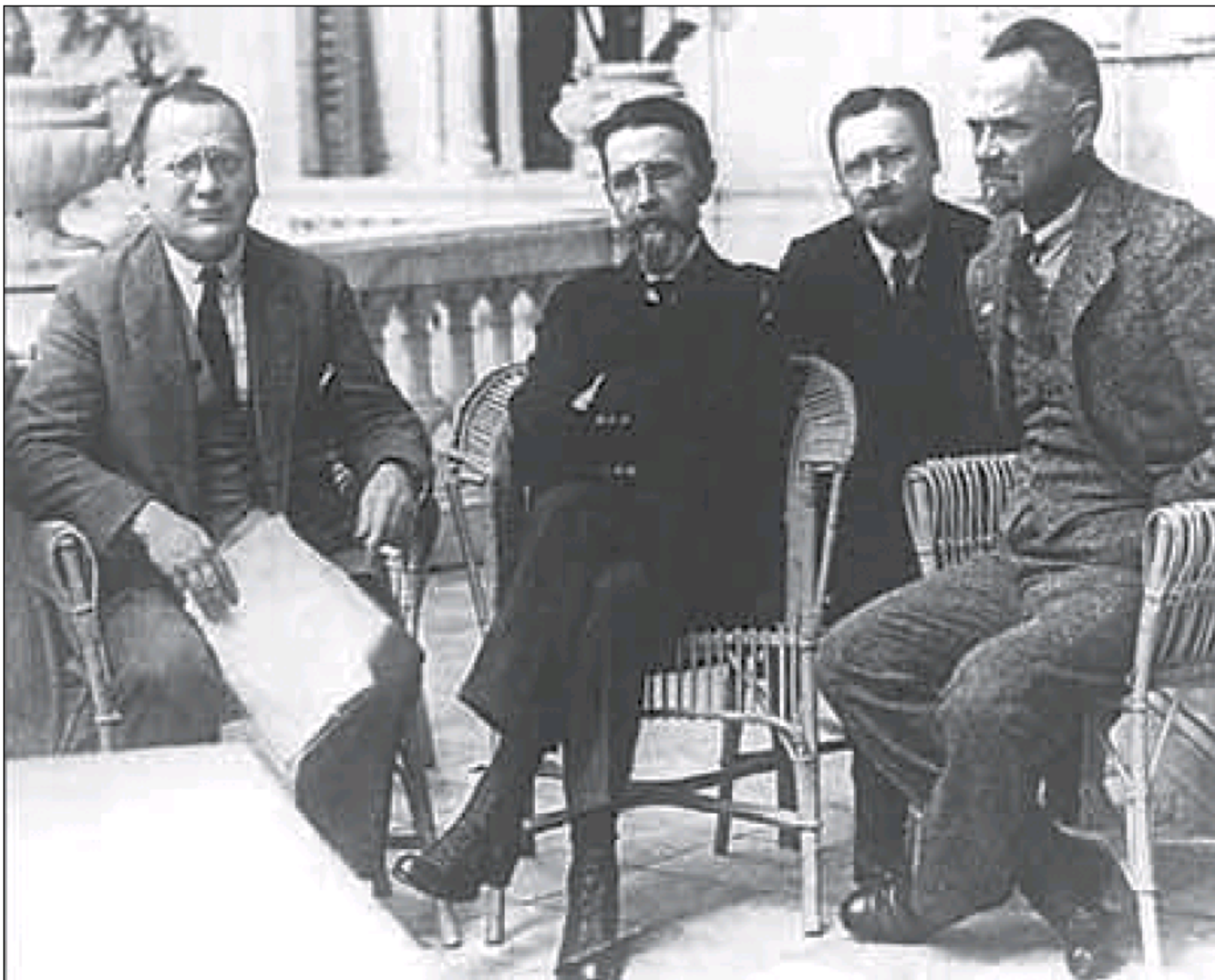
Жизнь внесла коррективы в заманчивые проекты «короля шпионов». В ноябре 1921 года руководство русского отдела британской разведки пришло в необыкновенное возбуждение. Пол Дьюкс и Сидней Рейли приняли колесить по Европе, встречаясь с представителями различных эмигрантских организаций и с разбросанными по европейским столицам сотрудниками SIS, знакомыми с российскими делами. Причиной такового ажиотажа стал скромный чиновник Народного комиссариата путей сообщения — Александр Александрович Якушев.

До большевистского переворота действительный статский советник Якушев служил в том же самом ведомстве, которое тогда называлось министерством. Оставшись не у дел, он вступил в Пет-рограде в подпольную организацию, впоследствии провалившуюся. Провал, впрочем, не затронул лично Якушева. Он переехал в Москву и поступил на службу в Наркомпут. Есть основания полагать, что Рейли и Якушев были старыми

знакомыми и питали общую страсть к хорошеньким актрисам: в конце 1917 года их видели оживленно болтающими за кулисами московского Театра миниатюр в обществе примадонны Милочки Юрье-вой. Авторы телесериала «Операция «Трест»» прекрасно воспроизвели внешний вид Александра Александровича — пенсне, котелок, борода клинышком. Но они умолчали, что до Наркомпути Якушев работал советником у Троцкого.

Осенью 1921 года Якушев отправился в командировку в Швецию, Норвегию, Швейцарию и Германию. На обратном пути в Россию заехал в Эстонию, где встретился со старым другом, бывшим царским офицером с обширными связями в кругах русской эмиграции Юрием Александровичем Артамоновым. Якушев признался ему, что остается монархистом и что в Москве и Петрограде таких, как он, много. Якушев искал связи с единомышленниками на Западе. Бессмысленно пытаться сокрушить большевистский режим извне, убеждал он Юрия Артамонова; это дело внутренней оппозиции. Артамонов сообщил о встрече в Берлин в письме члену Высшего монархического совета князю Ширинскому-Шихматову. Будучи связан с английской разведкой, поставил в известность и ее. SIS немедленно начала выяснять подробности.

В декабре от подпольщиков пришла новая весть. В Эстонии объявился человек по имени Виктор Колесников, отрекомендовавшийся Артамонову представителем организации, о которой говорил Якушев. Он впервые назвал ее Монархическим объединением Центральной России (МОЦР). Артамонов свел Колесникова, на самом деле бывшего агентом ЧК, с Виктором Кияковским (Стецкевичем), с сотрудниками русского отдела SIS.

ЧЛЕНЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА КОНФЕРЕНЦИИ В ГЕНУЕ МАКСИМ ЛИТВИНОВ, ВАЦЛАВ ВОРОВСКИЙ, С. ПИЛЯВСКИЙ И ЛЕОНИД КРАСИН ЧУДОМ ИЗБЕЖАЛИ ПУЛЬ ТЕРРОРИСТОВ

Информация Якушева-Колесникова имела все признаки провокации. Это было ясно опытным сотрудникам SIS и в первую очередь Сиднею Рейли.

Советские авторы, многократно описавшие «операцию «Трест», свято убеждены, что ее изучают «в разведшколах всего мира». Вероятно, они видели учебники этих разведшкол. Западные исследователи, лишенные такой возможности, но зато изучившие все возможные источники, по сей день разгадывают загадку «Треста». Прежде всего, непонятна метаморфоза Якушева. Каким образом он превратился из Савла в Павла — из убежденного монархиста в правоверного большевика? Разочаровался в монархизме? Но между разочарованием и участием в масштабной провокации ЧК «дистанция огромного размера». Ясно, что работал он по доброй воле: если бы его заставили, то, будучи «выездным», он при первой возможности остался бы на Западе и разоблачил коварные козни Дзержинского. Русский патриот, осознавший великое благо большевизма? Или один из здравомыслящих людей своей эпохи, веривших в постепенную, вынужденную демократизацию режима как единственную стратегию выживания? Но какая же связь между самой идеей эволюции режима и главной ролью в чекистской «операции «Трест»?

В свою очередь, подозревая провокацию, Рейли чувствовал: заговор из мнимого вполне может стать реальным. И у него, также как и у А.А. Якушева, были все основания так считать.

НЕУДАЧНАЯ ОХОТА

В декабре, невзирая на протесты министра иностранных дел лорда Керзона, Рейли привез в Лондон Савинкова. 10 декабря Рейли и Савинков обедали у Красина в советской миссии в Лондоне. После обеда Савинков и Красин уединились. А вскоре Савинков рассказал Черчиллю, ссылаясь на Красина, что в России его ждет высокий и ответственный пост. Однако он согласен принять предложение лишь по выполнению трех условий, как-то: упразднение ВЧК, восстановление частной собственности и проведение свободных выборов. Красин якобы обещал довести эти условия до сведения Москвы. Версия Лубянки не очень расходится с версией Савинкова; она гласит: советский нарком сказал Савинкову, что «при условии прекращения подрывной деятельности он мог бы поступить на службу в представительство НКВД за границей, после чего должен был использовать свое влияние и связи на благо Родины».

После Красина и Черчилля Савинкова принял Ллойд-Джордж.

Уже 2 февраля 1922 года одно из пожеланий Савинкова паче чаяния исполнилось: Политбюро наконец решило ликвидировать ВЧК. На ее месте, правда, сразу же выросло ГПУ.

Между тем в Москве и многих европейских столицах усиленно готовились к Генуэзской конференции. Рейли принимал деятельное участие в разработке масштабного проекта реструктуризации российских долгов. Параллельно он вел в Париже конфиденциальные переговоры с Торгпромом. Русские промышленники опасались, что Запад в конечном счете наплюет на их интересы (в этом они несколько не ошибались). Рейли убедил Путилова и бывших нефтяных магнатов Густава Нобеля и Степана Лианозова финансировать организацию Савинкова. На эти деньги Савинкову предстояло организовать покушение на жизнь членов советской делегации в Генуе. Из этих планов, однако, ничего не вышло. Террористы вели свою охоту в Берлине, но ни Радек, ни Бухарин, ни Раковский не появились там, где их ждали. В конце марта потерявший терпение Рейли примчался в Берлин выяснять, в чем дело. Савинков жаловался на неточную информацию. Рейли заявил ему, что теперь мишенью должен стать глава делегации Чичерин. Но и наркому удалось проследовать через Берлин 2–5 апреля неуязвимым. Савинков решил ехать в Италию. 13 апреля, через три дня после открытия конференции, итальянская полиция арестовала его и членов его группы. Благодаря вмешательству Бенито Муссолини арестованных депортировали во Францию.

Генуэзская конференция завершилась 19 мая провалом. На решительном отказе признать ответственность по долгам России настоял лично Владимир Ленин.

Вскоре вождь мирового пролетариата перенес операцию по извлечению из тела пули Фанни Каплан. 6 мая его хватил удар. Ленин покинул Кремль и переселился в Горки. Это было начало конца. В Москве начиналась схватка за наследство. В начале 1923 года, после второго удара Ленина, власть переходит к триумvirату Зиновьев—Каменев—Сталин. 11 февраля Рейли встречается с Красиным, который собирается возвращаться в Москву и полон пессимистических предчувствий. 8 мая британский министр иностранных дел лорд Керзон предъявляет Советской России свой знаменитый ультиматум. 10 мая молодой эмигрант Мориц Конради убивает в Лозанне Вацлава Воровского, который должен был заменить Красина. Между двумя последними событиями у Ленина случился третий удар. Мир с тревогой ожидал кончины вождя.

В начале 1924 года выборы в Англии впервые выиграли лейбористы во главе с Рамсеем Макдональдом. Демаршам Керзона пришел конец. 1 февраля 1924 года Макдональд признал советское правительство. За Лондоном последовал Париж.

СХВАТКА С ЖЕЛЕЗНЫМ ФЕЛИКСОМ

Александр Александрович Якушев продолжал наезжать то в Берлин, то в Париж и соблазнять вождей эмиграции рассказами об инфильтрации членов «Треста» во все государственные структуры вплоть до самых вершин власти. Сведения эти, разумеется, нуждались в проверке. С этой целью еще в середине 1923 года Савинков направил в Россию свое доверенное лицо — полковника Павловского. Тот был немедленно схвачен ГПУ и вскоре начал слать в Париж оптимистические донесения, из которых явствовало, что дела большевиков столь плохи, что антибольшевистскому подполью не хватает лишь вождя, чтобы взять власть в свои руки. Роль вождя, натурально, отводилась Савинкову — для этого он должен был приехать в Россию.

21 января умер Ленин. Каменев и Зиновьев немедленно начали атаку против Троцкого. До Рейли дошли слухи, что Троцкий будто бы готовил военный переворот. Звезда Дзержинского взорвалась: уже 2 февраля, помимо ОГПУ, он стал председателем Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). Трудно было подобрать на этот пост более неудачную кандидатуру. Железный Феликс ничего не понимал и не желал понимать в экономике. Его заместителем по ВСНХ стал, в дополнение к посту заместителя председателя ОГПУ, Генрих Ягода.

В феврале 1924 года Рейли сообщил Савинкову, что у него через бывших коллег в SIS появились интересные материалы о России. Материалы эти говорили о том, что Дзержинский и Зиновьев считают воззрения «экономистов» во главе с Красиным опасной ересью и полны решимости искоренить ее, однако проблема в том, что в группе этой состоят видные чекисты. Дабы упрочить свои позиции, Дзержинский намерен интенсифицировать «красный террор».

Рейли и Савинков никогда не были вполне откровенны друг с другом. Они оба питали серьезнейшие подозрения в отношении «Треста». Но при этом оба делали вид, что принимают все байки Якушева за чистую монету.

В марте Савинков сообщил Рейли о желании поехать в Россию. Эта новость вкупе с обещанием Рейли содействовать возвращению могла стать неожиданным подарком для ОГПУ; как свидетельствуют документы, на такую удачу Лубянка вовсе не рассчитывала.

15 марта Рейли сообщил Савинкову, что по неотложным делам должен ехать в Нью-Йорк. Однако в Нью-Йорке он не появился. Он провалился сквозь землю примерно на два месяца. В 1927 году бывший сотрудник советской миссии в Лондоне заявил в своих показаниях Скотленд-Ярду, что собственными глазами видел Рейли в 1924 году в Москве возле Большого театра.

Дзержинскому всюду мерещилась угроза. Операция «Трест» сильно беспокоила его.

АГЕНТ ОГПУ ДЖОРДЖ ХИЛЛ

АГЕНТ ОГПУ АЛЕКСАНДР ЯКУШЕВ

АГЕНТ ОГПУ ЭДУАРД ОППЕРПУТ

Организация разрослась, ее становилось все труднее контролировать, Якушев и его правая рука Опперпут не были настоящими чекистами и всякую минуту могли переменить сторону врага. В 1924 году петроградская ячейка МОЦР и впрямь временно вышла из-под контроля ОГПУ. Аресты и казни бывших офицеров и предпринимателей были поставлены на конвейер.

Летом того же года Савинков наконец принял роковое решение. 10 августа он выехал из Парижа через Берлин в Варшаву, откуда через «окно» перешел советскую границу, после чего был арестован в Минске. Уже 27 августа начался открытый судебный процесс, который 29-го закончился вынесением смертного приговора.

3 сентября Рейли направил длинное письмо в газету Morning Star в ответ на редакционный комментарий к процессу Савинкова. Называя себя одним из «самых близких друзей и преданных последователей» Савинкова, он настаивал на своем праве защитить честь московского пленника. По мнению самого Рейли, суд над Савинковым был актом «колоссальной клеветы» и «гнуснейшей из большевистских «уток». Все савинковское дело, утверждал

Рейли, — не что иное, как фальсификация. Все свидетельства и здравый смысл, писал он, говорят, что «Савинков был убит при попытке перейти русскую границу, и ЧК инсценировала ложный процесс с одним из своих агентов в главной роли».

Рейли описал именно то, что впоследствии произошло с ним самим. Обдумывал возможный сценарий?

15 сентября Morning Star опубликовала новое письмо Рейли, в котором он полностью пересмотрел свой взгляд на московский процесс. «Показания надежного и беспристрастного очевидца», писал он, убедили его в том, что его бывший товарищ совершил «нравственное самоубийство» и «предательство», и сомневаться в этом Рейли теперь не имеет ни малейших оснований.

Почему же он не остановил своего друга? Принес его в жертву? Использовал его в качестве пробного камня? Или просто «сдал» Савинкова?

Кабинет Макдональда находился у власти всего десять месяцев. После скандала с письмом Зиновьева (глава Коминтерна призывал в нем английских коммунистов к насильственному захвату власти), опубликованным в английских газетах за четыре дня до всеоб-

щих выборов в октябре 1924 года, на смену лейбористам пришли консервативная партия во главе с Болдуином. Правительство Болдуина отказалось представлять на ратификацию договоры, подписанные с Россией лейбористами, а в 1927 году разорвало с Москвой дипломатические отношения. Здесь не место обсуждать вопрос о подлинности письма Зиновьева; в любом случае Рейли, всего вероятнее, имел отношение к этой публикации.

Дзержинский был так доволен поимкой Савинкова и в особенности тем, что ему удалось «переубедить» арестованного в результате нескольких продолжительных бесед с ним, что немедленно санкционировал новую операцию. На сей раз — по заманиванию в Советскую Россию Сиднея Рейли. 31 августа Дзержинский вызвал начальника контрразведывательного отдела (КРО) Артура Артузова и поручил ему начать оперативную игру с Рейли. Куратором операции был назначен Ягода.

Если Рейли действительно побывал в Москве весной 1924 года, то все дороги должны были привести его к Ягоде. Ягода не только курировал «операцию «Трест», но и был в некотором роде бизнесменом. Ричард Спенс пишет, ссылаясь на собственную беседу с не названным по имени родственником Ягоды, что примерно в это время у Ягоды появился личный секретный счет в швейцарском банке.

В начале октября Савинков написал из Москвы родным и друзьям письма, в которых предстал новым, полностью пересмотревшим свои убеждения человеком. Самое длинное послание получил Рейли. Савинков захлеб описывал советскую столицу, полную «магазинов, кинотеатров, автомобилей и электрических огней», и восхвалял гуманную тюремную систему. Савинков сидел во внутренней лубянской тюрьме, в исключительно комфортабельных условиях, посещал кабаре, бега и рестораны и даже не испытывал недостатка в дамском обществе. Он писал, что в рядах ОГПУ он встретил человека, который ему «духовно ближе», нежели кто бы то ни было в эмиграции.

РЕЙЛИ КЛЮЕТ

Глава Русского общевоинского союза генерал Александр Павлович Кутепов, человек проницательный и осторожный, живо интересовался «Трестом», однако прислушивался к мнению своего советника полковника Николая Чебышева, который не верил Якушеву. Как бы то ни было, осенью 1924 года Кутепов направил в Россию группу из пяти человек. Среди них была супружеская пара — Георгий (Юрий) Радкевич и Мария Захарченко-Радкевич.

Группу принимал член «Треста» Эдуард Опперпут, который носил теперь новое имя Эдуард Оттович фон Стауниц и выдавал себя за балтийского немца. На самом деле он был латышом, его настоящая фамилия была Упенинш. Судя по всему, он стал агентом-provokatorом ЧК еще в конце 1917 года, когда был арестован в Петрограде как член контрреволюционной латышской военной

ЛЕОНИД КРАСИН БЫЛ ИЗ ЧИСЛА ВМЕНЯЕМЫХ БОЛЬШЕВИКОВ. ОН ПОНИМАЛ ПРЕИМУЩЕСТВА ЗАПАДНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ПЕРЕД ВОЕННЫМ КОММУНИЗМОМ. СТОРОННИКИ НЕНАСИЛЬСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В РОССИИ СВЯЗЫВАЛИ С НИМ СВОИ НАДЕЖДЫ

организации, однако освобожден по личному распоряжению Владимира Бонч-Бруевича. При чем здесь управделами Совнаркома? Сегодня уже забылось, что именно Бонч-Бруевич сразу же после прихода к власти большевиков возглавил первую службу безопасности советского режима. В начале 1918 года служба стала называться Комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем, а затем, дабы отличаться от ведомства Ф. Дзержинского, переименовалась в Следственную комиссию. Именно в эту комиссию и был зачислен на службу вчерашний контрреволюционер Опперпут. Бонч-Бруевич был первым высокопоставленным большевиком, с которым встретился в 1918 году только что прибывший в Москву Сидней Рейли; вполне вероятно, что тогда же он познакомился и с Оппер-путом. Впоследствии, всякий раз меняя имена, Опперпут служил в Крыму в штабе Врангеля, затем в Польше вступил в савинковский Союз. Отправившись с заданием в Россию, он пропал, а ячейки Савинкова в России подверглись беспощадному разгрому. В октябре 1921 года Опперпут неожиданно появился в Варшаве и рассказал, что был освобожден по амнистии, при этом намекая на неких влиятельных покровителей в антибольшевистском подполье. Затем он снова исчез в России — как теперь известно, он участвовал в «операции «Трест», а в 1927 году стал на Западе ее первым разоблачителем.

Однако вернемся к Радкевичам. В январе 1925 года Радкевичи, которые теперь назывались Шульцами, появились в Хельсинки и через представителя Савинкова Николая Бунакова стали искать встречи с Рейли. Бунаков представил их Эрнесту Бойзу, резиденту SIS в Финляндии и Эстонии и старому другу Рейли. 26 января Бойз послал Сиднею Рейли письмо, которое было двойным: внутри одного конверта находился другой, содержавший послание, написанное эфемерными. Автор этого зашифрованного письма сообщал Сиднею Рейли о предстоящем визите «Красноштановых» (под этим именем Радкевичи были в России), которые представляют «большой концерн» (то есть «Трест»); они привезли интересные новости из «Калифорнии» (России) и рассчитывают на помощь Рейли в установлении контактов с «европейскими и американскими рынками». Отправитель выразил надежду, что встреча с «Красноштановыми» станет для Рейли компенсацией за провал его последней «большой схемы» (надо полагать, арест Савинкова).

Автором письма был Джордж Хилл — родившийся в Казани сын английского коммерсанта, офицер, сотрудник британской военной разведки, участник «заговора послов» и, как явствует из документов, агент ОГПУ. Именно он, а не латышские стрелки Берзин и Буйкис, толком ничего не знавшие, сдал ЧК в 1918 году участников «заговора послов». Впрочем, агентом того же ведомства был и Бойз.

В своем ответе Хиллу Рейли пишет, что, к сожалению, разминулся с «калифорнийской парой». Тем не менее, будучи в Нью-Йорке, он поддерживает «постоянное сообщение с различными промышленными группами в разных странах». Он писал также, что предложение имеет перспективы, «особенно в свете недавней схватки за контрольный пакет акций, которая имеет место в совете директоров» (речь идет, разумеется, о борьбе за власть на вершине советского Олимпа). «В конечном счете, — продолжает Рейли, — я убедил себя, что инициатива должна исходить от тех, кто представляет интересы миноритарных акционеров», и что это обстоятельство должно заставить их «пожертвовать значительной частью своих первоначальных идей таким образом, который будет приемлем как для внутреннего, так и для международного рынка».

Однако на Лубянке тоже умели втирать очки начальству. В итоге у Дзержинского создалось впечатление, что Рейли просто жаждет приехать в Россию.

В течение последующих недель Рейли написал несколько писем Бунакову, Бойзу и, возможно, Хиллу. Он выражал интерес к деятельности «Треста», однако не проявлял ни малейшего желания заняться его пропагандой на Западе, а тем более поисками финансовой поддержки. Он теперь был убежден, что большевистский режим сам собою не развалится. «Трест» должен дать миру знать о своем существовании, писал

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ, С 1924 ПО 1929 ГОД ЗАНИМАВШИЙ ПОСТ МИНИСТРА ФИНАНСОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, БЫЛ ЛИЧНЫМ ДРУГОМ И ПОКРОВИТЕЛЕМ РЕЙЛИ. НО ОСТОРОЖНЫЙ ПОЛИТИК НЕ СПЕШИЛ ПОДДЕРЖИВАТЬ «ТРЕСТ» ДЕНЬГАМИ, НЕ УВЕРЕННЫЙ В ДЕЕСПОСОБНОСТИ ЭТОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

он. «Только действия» способны пробудить настоящий интерес и получить поддержку: «Если я увижу... перспективу реальных действий, я готов бросить все и всецело посвятить себя интересам Синдиката». «Мне исполнился 51 год, — писал он, — и я хочу сделать что-нибудь стоящее, пока еще способен».

Спустя еще несколько дней Рейли пишет, что он «болен и устал от продолжающегося теоретизирования», а потому посылает «совету директоров» конкретные предложения. Если «Трест» их не примет, он не сможет рассчитывать на помощь Рейли. Организация должна отказаться от контактов с монархистами-эмигрантами, такими как Кутепов. Он, Рейли, не имеет ничего против Кутепова или монархизма как такового при определенных обстоятельствах, но в настоящее время такие контакты могут сыграть «абсолютно фатальную» роль при решении вопроса об иностранной поддержке. 27 марта Рейли пишет Бунакову письмо, больше похожее на приказ. Он указывает на террор как на ключевой момент, способный разрушить «ауру непобедимости», которой окружены большевики. Один крупный теракт, пишет он, внесет большее смещение в ряды большевиков и привлечет больше внимания на Западе, чем горы пустопорожних разговоров и предложений. 4 апреля он пишет, что лучшее, что он может сделать, — это «приехать и лично проинспектировать фабрику».

Между тем генерал Кутепов, против контактов с которым столь решительно возражал Рейли, согласился принять в Париже Радкевичей и Якушева. Встреча была назначена на первые числа июля. В ее организации живейшее участие принимал Эрнест Бойз, усиленно приглашавший и Рейли. Письма Бойза шли в Нью-Йорк, но Рейли там не было — в конце апреля он вернулся в Европу, но ни с Бойзом, ни с «трестовцами» встречаться не спешил. Через Париж и Вену он направился в Рим, где советская делегация во главе с Красным вела торговые переговоры с правительством Муссолини.

7 мая в Москве было опубликовано сообщение о самоубийстве Савинкова.

Дзержинский уже заждался и потерял терпение, когда 20 августа 1925 года начальник контрразведывательного отдела ОГПУ Артур Артузов (которому была поручена оперативная игра с Сиднеем Рейли) доложил: 26-го Рейли отправляется из Нью-Йорка в Гавр, после чего он прибудет в Хельсинки. Окончательному решению Рейли предшествовало событие, на которое указывает в своей книге Ричард Спенс. В середине июня 1925 года в британское консульство в Ленинграде обратилась дама по имени Z. Z. Zaharoff с дочерью. Она заявила о своем британском подданстве и желании вернуться в Англию. В Лондоне вопрос был решен положительно; мать и дочь отбыли на Британские острова. Доктор Спенс полагает, что дамой этой могла быть Энн Люк, одна из жен Сиднея Рейли, вступившая в брак с ним в Порт-Артуре еще до русско-японской войны и родившая от него сына и дочь; в дальнейшем следы ее затерялись. Что касается фамилии Захаровф, то ее носил давний деловой партнер Рейли, известный торговец

оружием Бэзил Захаровф, причем именно в такой, неправильной транслитерации (правильно — Zakharoff). У Захаровфа определенно не было в России ни жены, ни дочери. Зато были деловые интересы: будучи крупным акционером концерна Vickers, он потерял в результате большевистского дефолта огромные средства, инвестированные в российскую экономику. Зимой 1924 года Захаровф получил полуофициальное предложение Москвы вступить в сделку, которая в итоге дала бы ему контроль над царичинскими оружейными заводами. Предложением он заинтересовался. Но никакой возможности получить достоверную информацию о состоянии заводов и, главное, о политических рисках не существовало, за исключением единственной — послать в Россию опытного человека. Может быть, Рейли отправился в свое последнее путешествие именно с этим поручением? Захаровфу не составляло труда в качестве дружеской услуги «одолжить» свою фамилию для загадочной репатриантки. Если Спенс прав и Z. Z. Zaharoff — Энн Люк, то ее «репатриация» была частью тайной сделки Рейли с Ягодой. Потому и не ехал Сидней Рейли в Советский Союз, что ожидал выполнения именно этого условия.

ЗАМАНИЛИ...

3 сентября Рейли с женой Пепитой приехал в Париж. Отослав жену к родственникам в Бельгию, он начал непрерывные совещания с генералом Кутеповым, Александром Гучковым (председатель III Государственной думы, лидер партии октябристов), Эрнестом Бойзом (резидент британской разведки SIS в Финляндии и Эстонии, агент ОГПУ) и некоторыми другими лицами. Вскоре он ненадолго отлучился в Лондон. В своих показаниях на Лубянке Рейли заявил, что встречался с Черчиллем, который отказался обещать какую-либо поддержку «Тресту», пока не получит «конкретное свидетельство» его дееспособности. Однако если госпожа З.З. Захаровф была действительно Энн Люк, то визит Рейли в Лондон имел, всего вероятнее, иную цель — встретиться с ней и с дочерью и обустроить им жизнь в чужой стране.

Вернувшись в Париж 11 сентября, он продолжал совещаться. В тот же день в Москве было получено сообщение, что Рейли прибывает в Хельсинки 23 сентября. Как утверждает Пепита, ее муж собирался встретиться с руководителями «Треста» в Финляндии. Он заверил ее, что не собирается в Россию и будет в Париже к концу месяца.

Он уехал из Парижа вместе с Пепитой 15 сентября, из предосторожности купив билеты на берлинский поезд в последнюю минуту. В Кельне супруги расстались: Пепита отправилась в Гамбург навестить друзей, Сидней поехал в Хельсинки. До Хельсинки он добрался морем вечером 22-го. Бойз отсутствовал; заменивший его молодой сотрудник представил Рейли членов «Треста» Бунакова и Радкевичей. Рейли телеграфировал жене, что задерживается в Хельсинки минимум до 26-го и что все будет прекрасно.

Он заранее сообщил «трестовцам» имя, под которым желал отправиться в Россию, а

также свои рост, вес и особые приметы. Фальшивый паспорт следовало выписать на имя коммерсанта Николая Николаевича Штейнберга.

Все дальнейшие события известны в нескольких вариантах, но ни одному из них нельзя полностью верить. Согласно документам ОГПУ (рапорт заместителя Артузова Владимира Стырне), 24 сентября Рейли приехал в Выборг, где его встретил «сексот А» (секретный сотрудник; А — Якушев). Якушев передал ему письмо представителя британской разведки, чей почерк Рейли знал. Автором письма был, по-видимому, Хилл. Он подтверждал существование «антикремлевской группы», которую «следует воспринимать серьезно». Однако в послании не было ничего такого, чего бы Рейли уже не знал. Якушев сопровождал Рейли в дом другого агента ОГПУ, Карпинена, стоявший возле самой границы. В этом доме Рейли ждал посланец с той стороны, довольно значительное должностное лицо, представляющее лицо еще более высокое. По информации знаменитого перебежчика Александра Орлова (резидент иностранного отдела в Испании, остался на Западе в 1938 году), этим посланцем был Терентий Дерибас — глава Секретно-оперативного управления (СОУ) ОГПУ, непосредственный начальник Артузова и непосредственный подчиненный Ягоды. Дерибас якобы вручил Рейли письмо Троцкого: тот гарантировал, если ему помогут вернуться к власти, неограниченные концессии предпринимателям тех стран, которые окажут такую поддержку, и полную амнистию эмигрантам.

Рейли, согласно рапорту Стырне, заявил встречавшим, что обратные билеты в Нью-Йорк заказаны на 30 сентября, поэтому на поездку в Россию у него просто нет времени. Возможно, он сможет предпринять такое путешествие в ближайшие два-три месяца. Стырне пишет, что один из «сотрудников», которого он не называет по имени, стал так «умно» уговаривать Рейли, что тот в конце концов согласился. По мнению Орлова, этим сотрудником была Мария Радкевич. Но в другом месте он же говорит, что это был Дерибас, посуливший нечто такое, от чего у Рейли «загорелись глаза». Американский историк Натали Грант, посвятившая изучению «Треста» десятилетия, не верит ни в одну из версий. Она считает, что близ границы Рейли опоиоли наркотиком и перевезли на советскую территорию в беспомощном состоянии.

На следующий день, 25-го, Пепита получила от мужа телеграмму. Он извещал ее, что выезжает из Хельсинки 30-го и двумя днями позже будет в Гамбурге. Однако в тот же день он написал ей, что едет ненадолго в Ленинград и Москву, но дата отъезда из Финляндии остается без изменений. «Я бы не предпринял это путешествие, если бы это не было абсолютно необходимо, — писал он, — и если бы я не был убежден в том, что оно не сопряжено практически ни с каким риском». Если же все-таки что-то случится, «ты не должна предпринимать никаких шагов». Он всегда приказывал своим женщинам одно и то же: сиди тише воды, ниже травы и жди.

Около полуночи группа нарушителей границы в сопровождении финских пограничников углубилась в болотистый лес и, перейдя вброд реку Сестру, оказалась на советском берегу. Здесь экспедицию ждали двое: пограничник Тойво Вяяхи и сотрудник ОГПУ Шукин, выдавший Рейли его новый паспорт на имя Штейнберга. Натали Грант отмечает странную деталь. Когда Рейли пересек реку, он обернулся и нарочито крикнул оставшимся на том берегу финнам и русским: «Goodbye!» — будто хотел дать им понять, что он англичанин. Самое странное, что в этом ночном путешествии по болоту не было никакой необходимости. Всесильный «Трест» вполне мог устроить Рейли комфортабельный переезд в Ленинград по железной дороге.

ПОСЛЕДНИЙ МОНОЛОГ

Рейли, Шукин и Вяяхи прибыли на Финляндский вокзал Ленинграда около семи часов утра. Их встречал Якушев, добравшийся от Выборга поездом. Все четверо погрузились в автомобиль и направились на «конспиративную квартиру». Позднее к ним присоединился Стырне. Несмотря на бессонную ночь и скитания по

болотам, Рейли не проявлял ни малейших признаков усталости. Он увлек всю честную компанию на прогулку в «город, знакомый до слез» (как, однако, подходит к этому сюжету мольба Мандельштама: «Петербург! Я еще не хочу умирать!»), дважды обедал в лучших ленинградских ресторанах, открывшихся заново после революции, пошел даже в церковь к вечерне и во все глаза смотрел на разгул нового, невиданного класса советских буржуа — нэпманов.

Тем временем Стырне отправился в Москву, дабы подготовиться к встрече заморского гостя. Поздним вечером группа в составе Рейли, Якушева и члена «Треста» Мукалова-Михайлова заняла свои места в международном вагоне поезда, следующего в Москву. Рейли и тут не проявил ни малейшего желания отойти ко сну. Напротив, он впервые, и весьма оживленно, заговорил о деле. Разумеется, организация ждет от него обещаний финансовой поддержки. Такие обещания в данный момент невозможны, разочаровал он попутчиков. Организация должна помочь себе сама. Если большевики распродают на Западе художественные ценности ограбленной ими России, то почему бы «Тресту» не заняться тем же самым? Кроме того, британская — и не только британская — разведка готова оплачивать информацию, которой, без сомнения, располагает «Трест». Сам Рейли, правда, прервал связи с SIS в 1922 году вследствие дискуссии о методах и причинах неудачи некоторых операций. Однако он продолжает поддерживать «тесные» контакты с Черчиллем и другими влиятельными лицами в Лондоне в приватном порядке. Западные спецслужбы, в частности, чрезвычайно интересуют сведения о Коминтерне. Было бы весьма желательно, чтобы «Трест» смог внедрить своих агентов в руководящие органы этого распадающегося международного большевистской заразы и обратить его против кремлевской клики. На замечание, что сделать это будет трудно, Рейли возразил, что в руководстве Коммунистической партии уже есть британские агенты, причем даже среди ее самых твердокаменных приверженцев.

Гость поделился также своими более общими воззрениями на судьбы постбольшевистской России. По его мнению, новый режим должен в течение некоторого времени оставаться диктатурой, дабы контролировать положение. Особенно строгому контролю следует подвергнуть церковь. Вполне очевидно, что падение большевиков спровоцирует стихийную волну еврейских погромов. Это понятно, однако новое правительство должно избегать прямого участия в этом изъятии «народных чувств» — в противном случае оно рискует лишиться себя поддержки Запада, ведь британский и французский капитал находятся «всецело в руках евреев», а американский контролируется ими «на треть, если не больше».

Далее Рейли перешел к характеристикам отдельных обитателей большевистского Олимпа. Как на наиболее «отвратительный»

пример он сослался на Николая Крыленко — в прошлом немецкого шпиона, а ныне прокурора; по мнению Рейли, это не кто иной, как «дегенерат и садист». Зиновьева он назвал «посредственностью», чья политическая карьера закончена. Дзержинского охарактеризовал как «очень хитрого», а ОГПУ — как «омерзительное» учреждение. Стырне, прочитавший составленный по горячим следам подробный рапорт Якушева, пишет, что на него произвело глубокое впечатление знание Сиднеем Рейли советских реалий; он был прекрасно осведомлен о составе ЦК, Политбюро и любых других центральных органов власти, о политике большевистского руководства по любому вопросу; казалось, он не пропустил ни одного номера «Известий» и был готов вести полемику на любую тему.

Утром 27 сентября на Ленинградском вокзале Москвы прибывших встречали Стырне и два других агента, а именно Шатковский и Кокушин-Дорожнинский. Последний, в прошлом жандармский офицер, значился владельцем дачи в Малаховке, где предполагалось провести главное совещание. Здесь группа разделилась вопреки первоначальному плану. Рейли должен был ехать с Якушевым и руководителем военной секции «Треста» генералом Потаповым в машине Опперпута — члена «Треста» и одновременно агента ОГПУ. Однако Стырне приказал всем троим ехать на квартиру Опперпута на Маросейку и дожидаться его там. Сам Стырне отправился с докладом о ходе операции на Лубянку, а Рейли сел в машину с Шатковским и Кокушиным.

Стырне отсутствовал больше часа, и Опперпут стал тревожиться, не претерпел ли план более радикальных изменений. Наконец появился Стырне, и вся троица поехала в Малаховку. По дороге Якушев спросил чекиста, не меняется ли план, на что Стырне ответил «твердым и категорическим» отрицанием. На полпути к даче они встретились с машиной Шатковского, направлявшегося в Москву. На виду у Якушева и Опперпута Стырне вручил Шатковскому деньги на билеты в Ленинград для Сиднея Рейли и для самого Шатковского. Эта сцена несколько успокоила Опперпута, но по прибытии в Малаховку сомнения начали терзать его с новой силой. Местность, вспоминает Опперпут, кишела агентами ОГПУ, весьма неубедительно изображающими прогуливающих дачников.

Рейли между тем уселся за обеденный стол с исполнительным комитетом «Треста». После обильного обеда общество переместилось на свежий воздух, дабы под сенью деревьев выслушать иностранного гостя. Рейли практически слово в слово повторил свой давешний монолог в вагоне. Опперпут вспоминает, что посреди совещания Стырне вдруг спросил его, узнает ли он Рейли. Вопрос показался Опперпуту странным. Неужто человек, выступавший перед «трестовцами», был подставным лицом? Был ли в таком случае «настоящим» тот Рейли, кото-

рый ехал из Ленинграда в Москву в одном купе с Якушевым?

Между тем Опперпут заметил, что Стырне начинает нервничать. Совещание закончилось с наступлением темноты, но машина, которая должна была отвезти гостя на вокзал, задерживалась. Прогуливаясь по саду, Опперпут обнаружил, что мнимые дачники подтянулись к участку и полностью окружили его. Опперпут бросился в дом и потребовал от Стырне объяснений. Тот ответил, что его подозрения совершенно справедливы: Рейли будет арестован, но, в силу некоторых соображений, не на даче. В разговор вмешался Якушев — вместе с Опперпутом он попытался отговорить Стырне от этого шага: арест Рейли поставит крест на всех их усилиях. Стырне ответил, что он лично был против ареста, как и Пилар (другой заместитель Артузова), и что они спорили битых два часа. Однако все усилия пропали втуне, поскольку решение, по его словам, приняло Политбюро «и отменить его ни в чьей власти». В эту операцию, объяснил он, сунул свой нос Сталин, который требует докладывать ему каждые полчаса.

КРОВАВЫЙ ТЕАТР

Вскоре прибыли две машины, одна из них — персональный автомобиль Дзержинского. За рулем сидел помощник начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Сергей Пузицкий. Рядом с ним — агент по кличке Сводник, известный своей необычайной физической силой и жестокостью. На заднем сиденье — лучший стрелок ОГПУ Ибрагим. По словам Опперпута, он опять бросился уговаривать Стырне и в конце концов добился от него согласия вместе ехать на Лубянку и попытаться отменить приказ об аресте. Опперпут предложил на время переговоров поместить Рейли в свою квартиру. Стырне согласился и с этим, но приказал Своднику и Ибрагиму остаться с англичанином.

Стырне описывает эпизод совершенно иначе. Он ничего не говорит о своей дискуссии с Якушевым и Опперпутом. По его словам, Рейли отправился в Москву в машине вместе с Пузицким и двумя агентами ОГПУ, а Якушев и генерал Потапов — следом за ними на второй машине. Первоначальная идея заключалась в том, чтобы доставить Рейли напрямик на Лубянку. Однако по дороге тот изъявил желание отправить из Москвы письмо за границу как доказательство того, что он действительно был в советской столице. Стырне и Пузицкому идея понравилась, и вся команда приехала на квартиру Опперпута. Оттуда Стырне помчался на Лубянку для экстренного совещания с Пиларом и Ягодой. Рейли тем временем написал открытку Пепите, расслабился и, казалось, совершенно не замечал подозрительной суеты вокруг. Вернувшись, Стырне сообщил Пузицкому последние инструкции: посадить Рейли в машину якобы для поездки на вокзал, арестовать его в пути и доставить в лубянский кабинет Пилара. Опять-таки: почему Рейли нельзя было арестовать в квартире, наполненной чекистами? Боялись, что Якушев и Опперпут устроят «сцену»?

Все присутствующие погрузились в машины. И как только они свернули в Златоустинский переулок, Пузицкий обернулся к Рейли и шепотом сказал: «Ни слова — вы арестованы». На запястьях арестованного тотчас же защелкнулись наручники. Автомобиль въехал в ворота Лубянки. Увидев это, Опперпут развернулся и поехал в обратном направлении.

Спустя час или около того в квартире Опперпута появились Стырне, Пилар, Артузов, Якушев, Потапов и другие вожди «Треста». Артузов и его коллеги объяснили, что ими приняты меры, дабы не допустить краха. Пока они тут спорят, объяснил Артузов, Пузицкий с группой агентов уже едут в Ленинград. Им предстоит повторить ночной переход границы, теперь с советского на финский берег. На сей раз, однако, их обнаружит советский пограничный патруль. В завязавшей перестрелке человек, переодетый и загримированный под Рейли, будет убит. Его смерть будет выглядеть трагической случайностью, и репутация «Треста» не пострадает.

Точных сведений о том, что произошло на границе в ночь с 28 на 29 сентября, не существует. В приблизительном изложении события развивались так. Группа из четырех человек направилась сквозь лес и туман к берегу

ОПЕРАЦИЮ «ТРЕСТ» КУРИРОВАЛИ ГЛАВНЫЕ ЧЕКИСТЫ СТРАНЫ: ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ

реки. Проводником был Вяхя; вместе с ним шли Шукин, другой «трестовец» из числа сотрудников ОГПУ, Баконин и безымянный оперативник ленинградского КРО, изображающий Рейли. Когда они приблизились к «окну», появились, как и было условлено, пограничники под предводительством Пузицкого, которые открыли огонь поверх голов своих товарищей. Шукину вдруг показалось, что в него стреляют всерьез (вполне возможно, что так оно и было), и он ответил. Шукинская пуля едва не убила одного из пограничников, стрельба в ту же секунду прекратилась. Шукина, Баконина и их безымянного товарища измазали красной краской и доставили в Ленинград в качестве убитых. Позднее «трупы» Шукина и Баконина привезли в московский морг. Что случилось с третьим — «трупом Рейли» — нигде не упоминается. Вяхя, Шукин и Баконин в дальнейшем продолжали службу под другими именами. Интересно, чьи же в таком случае «трупы» были доставлены в московский морг? Загадочный ленинградский оперативник — «фальшивый Рейли» — попросту бесследно исчез.

ДИАЛОГА НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

Почему Рейли отправился в Россию, зная, что приговорен к смерти заочно за участие в «заговоре послов», да еще после того, как там был схвачен его друг Борис Савинков? В своем ли уме был Савинков, сидя во внутренней тюрьме ОГПУ и при этом требуя от большевистских вождей назначить его на ответственный пост в советском правительстве? Почему, заманив Рейли в Россию, его не арестовали тут же на границе, а повезли сначала в Петроград, потом в Москву, ломали комедию, устраив фальшивое заседание «Треста»? Все эти вопросы остаются без ответов. Вернемся, однако, к прямому ходу событий.

«Настоящего» Рейли доставили, как и было велено, в кабинет Пилара, где, кроме хозяина кабинета, находились Ягода, Стырне, член коллегии ОГПУ Станислав Мессинг и начальник иностранного отдела Михаил Трилиссер. Первый допрос, продолжавшийся около часа, принес мало результатов. Рейли назвал свое подлинное имя и заявил, что прибыл нелегально в СССР для совещания с членами контрреволюционной организации. На все прочие вопросы он отвечал молчанием.

Его поместили в ту же камеру-люкс, где прежде сидел его друг Савинков. Спустя десять дней после ареста Рейли впервые дал подробное показание — он написал свою автобиографию, в значительной мере выдумав ее, что не помешало ей впоследствии войти во все советские жизнеописания Рейли. Еще через два дня он написал продолжение, подчеркнув, что не имеет никаких отношений с британской секретной службой и предпринял поездку в Россию по собственной инициативе, в качестве журналиста, с целью написания серии статей. Полезной информации в этих текстах было мало. Примерно 12 октября Стырне предъявил ему ультиматум. Он напомнил о смертном приговоре 1918 года, для исполнения которого не требуются какие бы то ни было дополнительные процедуры и формальности. Фактически Рейли уже покойник, сказал

ОПЕРАЦИЮ «ТРЕСТ» КУРИРОВАЛИ ГЛАВНЫЕ ЧЕКИСТЫ СТРАНЫ: ГЕНРИХ ЯГОДА

Стырне, имея в виду инцидент на границе; однако никаких официальных сообщений о гибели Рейли пока не опубликовано. Иными словами, Рейли может с равным успехом быть и живым, и мертвым, и это в конечном счете зависит от его желания сотрудничать с ОГПУ. Более того. Он может не только остаться в живых, но и на определенных условиях покинуть Россию. Во-первых, он должен дать правдивые и точные показания о всех высокопоставленных лицах в Англии и Америке, с которыми он лично знаком. Во-вторых, оказавшись на свободе, он должен будет снабжать Москву информацией на регулярной основе. И наконец, он должен молчать о том, что с ним произошло в Москве, и всячески поддерживать «Трест».

13 октября Рейли передал Стырне свои контрпредложения. В обмен на свободу он согласен всячески содействовать советским агентам на Западе. Он использует все свои связи, дабы убедить деловые и политические круги Америки и Европы в необходимости тесного взаимодействия с большевистским режимом. Он употребит все свое влияние на эмигрантские организации, чтобы добиться их отказа от враждебных антисоветских действий. Проблема, однако, с предоставлением информации частного характера, касающейся других лиц. Имея Рейли на своей стороне, Лубянке и не нужны эти подробности — он сам найдет им применение. Попытки же агентов ОГПУ использовать их приведет лишь к тому, что скомпрометирован будет он сам.

ЗНАМЕНИТЫЙ ТЕРРОРИСТ БОРИС САВИНКОВ БЫЛ ПЕРВОЙ «КРУПНОЙ РЫБОЙ», ПОПАВШЕЙ В РУКИ К ЧЕКИСТАМ В ХОДЕ СПЕЦОПЕРАЦИИ

Понимая, что его предложения не приняты, 17 октября Рейли пишет Стырне второе, гораздо более длинное послание. Совершенно очевидно, что ему не удалось убедить руководство ОГПУ в своей искренности. Остается попытаться прояснить свои чувства и позиции еще раз. Советские власти вряд ли приложили столько сил только затем, чтобы пристрелить его. Будь это так, он был бы уже мертв. Они хотят использовать его, и это совпадает с его желанием быть полезным. Однако он не может предоставить «полную, точную и детальную информацию», которую от него требуют, не компрометируя себя и других.

Он готов к роли секретного сотрудника и агента влияния Москвы, если ОГПУ пообещает воздерживаться от каких-либо карательных мер или провокаций в отношении лиц, с которыми он знаком. Внешняя политика Советского Союза достигла скромных успехов. Москва добилась дипломатического признания Лондона, Парижа и Рима, но не получила ни кредитов, ни технологий, необходимых для восстановления российской

экономики. Отношения с самой экономически могучей из западных держав, Америкой, находятся в состоянии неопределенности. С другой стороны, и в Лондоне, и в Нью-Йорке существуют огромный интерес к России и убеждение, что нормализация отношений «необходима и неизбежна». Он предлагает себя в качестве «неофициального посредника» между советским правительством и заинтересованными сторонами на Западе. Он не считает отказ от политической борьбы чрезмерно высокой ценой свободы. Он рад отойти от деятельности, которая в последние несколько лет не дала ему ничего, кроме разочарований и неприятностей. Его неколебимое убеждение состоит в том, что в исторической перспективе большевизм обречен на поражение. Но пока он укоренился в Москве, и он, Рейли, считает контрпродуктивными любые попытки силового переворота.

И на это послание Рейли получил однозначное «нет»: от него по-прежнему ждали не политических проектов, а показаний. Как докладывал своему начальству Стырне, в качестве меры психологического воздействия Рейли была показана казнь заключенного — эта сцена разрушила все иллюзии о возможности «почетной смерти». По некоторым сведениям, Стырне и его подручные инсценировали расстрел самого Рейли, в последнюю минуту будто бы отложенный. И Рейли, в конце концов, сдался. 30 октября он написал заявление на имя Дзержинского. «Я выражаю свое согласие, — говорится в нем, — дать вам вполне откровенные показания по вопросам, интересующим ОГПУ относительно организации и состава великобританской разведки и, насколько мне известно, американской разведки, а также тех лиц в русской эмиграции, с которыми мне пришлось иметь дело. Москва. Внутренняя тюрьма. 30 октября 1925 г. Сидней Рейли».

Существует и другой документ — тайный дневник, который Рейли вел в последние дни жизни. Он был обнаружен в его камере уже после его смерти. Ричард Спенс не уверен в аутентичности дневника: он написан как будто рукой Рейли, но почерк можно подделывать. Именно в записи от 30 октября рассказывается об инсценировке расстрела в лубянской подвале.

ДОРОГА В СОКОЛЬНИКИ

Мучимый кошмарами, арестант провел в тюрьме ужасную бессонную ночь. А наутро, около 11 часов, Стырне привел в камеру врача. Доктор нашел здоровье заключенного серьезно пошатнувшимся и снабдил его вероналом в качестве снотворного средства. Вечером Рейли совершил прогулку на машине «по сельской местности», причем для этой цели его переодели в форму сотрудника ОГПУ. Когда вернулись в город, его доставили в «красивую квартиру», где его уже ждали Стырне и Ибрагим. Состоялся ужин, после чего Стырне, оставшись наедине с Рейли, составил протокол о согласии последнего дать показания по всем интересующим Лубянку вопросам. После того как Рейли подписал бумагу, Стырне удалился — чтобы доставить ее Дзержинскому. Вернувшись через полчаса, он сообщил, что исполнение смертного приговора остановлено.

На следующее утро Стырне и Рейли взялись за работу по составленному ими плану. Сначала Рейли диктовал стенографистке, затем Стырне являлся с уточняющими вопросами. Так продолжалось несколько дней, вплоть до 4 ноября. Рейли сообщил ОГПУ много ложной информации. Так, например, он указал неверные имена шефа SIS и начальника русского отдела (в то время не только эти имена, но и само существование SIS составляло государственную тайну). Рейли рисковал: ОГПУ могло знать эти имена. Могло, но не знало. Но главное, на чем твердо настаивал Рейли, — что в Советском Союзе нет британских шпионов. Однако такие шпионы — прекрасно законспириро-

ОПЕРАТИВНУЮ РАБОТУ ВЕЛИ СОТРУДНИКИ ОГПУ, ПОЗЖЕ ПРИЧИСЛЕННЫЕ К «ВЫДАЮЩИМСЯ КОНТРАЗВЕДЧИКАМ»

ванные, вхожие в самые высокие кремлевские кабинеты — у британской разведки на самом деле были. И Рейли знал об их существовании.

5 ноября 1925 года наступила развязка. В этот день около восьми часов вечера чекисты Иван Федулеев, Карл Дукис, Ибрагим и Григорий Сыроежкин (Сыроежкин и Шукин — одно лицо; Сыроежкин известен как оперативник, который «не сумел спасти» Савинкова) отправились с «заключенным номер 73» на привычную уже прогулку за город. Далее следует рапорт Федулеева с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

«Довожу до Вашего сведения, что согласно полученного от Вас распоряжения со двора ГПУ выехали совместно с №73 тт. Дукис Сыроежкин я и Ибрагим ровно в 8 час. вечера 5/XI-25 г. Направились в Богородск. Дорогой очень оживленно разговаривали... На место приехали в 8 1/2 — 8 3/4 ч. Как было условлено чтобы шофер когда подъехали к мосту продемонстрировал поломку машины что им и было сделано. Когда машина остановилась я спросил шофера — что случилось? Он ответил, что-то засорилось и простои минут 5-10. Тогда я №73 предложил прогуляться. Вышедши из машины я шел по правую а Ибрагим по левую сторону №73, т. Сыроежкин шел с правой стороны шагах в 10 от нас. Отойдя от машины шагов на 30-40 Ибрагим отстав от нас произвел выстрел в №73 каковой глубоко вздохнув повалился не издав крика; ввиду того что пульс еще бился т. Сыроежкин произвел выстрел ему в грудь. Подождя еще немного, минут 10-15 когда окончательно перестал биться пульс внесли его в машину и поехали прямо в Санчасть где уже ждали т. Кушнер (тот самый врач, который осматривал узника и прописал ему веронал. — В. А.) и фотограф. Подъехав к Санчасти мы вчетвером — я Дукис Ибрагим и санитар — внесли №73 в указанное т. Кушнером помещение (санитару сказали, что этого человека задавило

трамваем да и лица не было видно т. к. голова была в мешке) и положили на прозекторский стол затем приступили к съемке. Сняли в шинели по пояс затем голого во весь рост. После этого положили его в мешок и снесли в морг при Санчасти где положили в гроб и разошлись по домам. Всю операцию закончили в 11 часов вечера 5XI-25г.»

Отметим, что Федулеев нигде не называет свою жертву по имени — только по номеру камеры. Обратим также внимание на надевший на голову мешок и на объяснение, что пострадавший попал под трамвай. Кого увезли из лубянской тюрьмы и чей труп привезли? Был ли безымянный «№73» Сиднеем Рейли и был ли покойник тем же человеком, который отправился в компании чекистов на автомобильную прогулку? Соответствует ли действительности описанная Федулеевым сцена убийства? Почему Сидней Рейли не пристрелили в подвале, а повезли для этой цели в Сокольников? Была ли заключительная фаза «операции «Трест» неудавшейся попыткой внутрипартийной оппозиции заручиться поддержкой Запада — попыткой, которую пресек заподозривший неладное Сталин? Этого, возможно, никогда не узнаем.

Р. С. Москва впервые сообщила об аресте Сиднея Рейли в июне 1927 года в «Известиях», причем в статье говорилось о его ранении и аресте летом 1925 года во время перехода границы, но не о казни. И лишь в сентябре та же газета предала гласности факт его смерти «этим летом», то есть летом 1927 года. Это и последовавшие разночтения породили множество версий о дальнейшей судьбе Рейли, согласно которым он еще долгие годы работал на советскую разведку и принимал участие в разработке множества операций — от похищения в Париже генерала Кутепова до атомного шпионажа. Есть авторы, которые утверждают, что Рейли бежал из советского узилища и через Шанхай и Гонконг добрался до Палестины, где и жил вплоть до конца 60-х годов, сотрудничая с израильской разведкой «Моссад»...

ТРУП «ЗАКЛЮЧЕННОГО №73», СФОТОГРАФИРОВАННЫЙ В ПРОЗЕКТОРСКОЙ В ДЕНЬ УБИЙСТВА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск» №2(143) от 21.02.2017
Учредитель и издатель:
ООО «Совершенно секретно-Украина»

04080, г. Киев, ул. Фрунзе, 104, этаж 6, к. 27
Генеральный директор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ
КВ № 18954-7744 ПР
выдано Гос. регистрационной службой Украины 02.03.2012
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Курневский переулок, 17Г

Телефон редакции: (044) 207-97-11
e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Реклама: тел./факс: (044) 207-97-11
При подготовке номера использованы материалы международного еженедельника «Совершенно секретно»
e-mail: topsekretno@gmail.com
Тел./факс редакции: +7 (495) 544 30 37

Фонд Артема БОРОВИКА: www.fondartem.ru
Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями не ведет. Перепечатка только с разрешения «Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содер-

жание рекламы. Во всех случаях типографского брака обращаться в типографию ООО «Укрполиграфмедиа».
©«Совершенно секретно-Украина», 2018

Отпечатано в типографии
ООО «Укрполиграфмедиа», 04080, г. Киев, ул. Фрунзе, 104А.
Тираж: 40000 экз. Заказ № 50-002

Человек против искусственного интеллекта
№ 2/345 ФЕВРАЛЬ 2018
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК/УКРАИНА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ НЕ УДАЧИ

В ПРОДАЖЕ

В ТОКИО ПРОШЛА ТРЕНИРОВКА
ПОКА НЕ ЭПИДЕМИЯ
ПЕЧОРИН СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

Свидетство
про держрегистрацію
Серія KB,
№ 18953-7743ПР
від 02.03.2012р.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ
В ЮНИИ
ДОЧЬ СТАЛИНА
ПЕРВАЯ ИСПОВЕДЬ
СПЕЦВЫПУСК
«Семейные тайны»

дома!

на работе

на природе

РАДИО
ПЯТНИЦА

У НАС ВСЕГДА
ПЯТНИЦА!

СЛУШАЙ, ЧТОБЫ ЗНАТЬ

ГОЛОС
СТОЛИЦЫ

106^{FM}

WWW.GS.FM